

ДВУХАПСИДНЫЕ ХРАМЫ ТАВРИКИ

Летом 1928 года Н.Д. Протасов провёл археологические раскопки руинированного церковного здания на территории Судакской крепости, которому суждено было стать первым из числа известных в настоящее время двухапсидным храмом Таврики (рис. 1, 1; 2) [Протасов, 1929, 86-97]. Ещё до начала работ, исследователь обратил внимание на явную асимметричность плана и задался вопросом «не служила ли капелла в качестве обычной усыпальницы, где в более широкой части – южной – должны находиться погребения, может быть собственников находившегося вблизи дворца, в состав которого и входила капелла». Поскольку захоронений в обозначенном месте храма не оказалось, позднее, уже в ходе раскопок, но ещё до обнаружения второго алтарного полукружия, возникла новая гипотеза – «южная стена была отодвинута на 1,3 м (от края апсиды – В.К.) для устройства в юго-восточном отрезке апсидальной стенки входа снаружи во внутреннее помещение капеллы – прием, хорошо известный по ряду памятников восточного средневековья, особенно в культовых сооружениях,

связанных с жилыми строениями». Однако тщательная расчистка вскоре опровергла и это предположение.

По завершению раскопок Н.Д. Протасов пришёл к выводу о том, что первоначально храм имел «трехнефный план с тремя апсидами» и только позднее, «при генуэзцах, т.е. не ранее 1365 или 1387 гг.», приобрёл свой окончательный вид – «с двумя нефами и двумя апсидами на карнизе с пятью профилированными кронштейнами». Основанием для данного заключения стал метрический анализ строения и наличие ниже по склону высеченного в скале ложа с остатками каменной кладки на восточном конце, а также конструктивное различие между северной и южной стенами [Протасов, 1929, 96-98]. Объект остался недоисследованным – по мнению учёного, его предположения «нуждаются в тщательной экспериментальной проверке на месте путем углубленных зондажей в наружной и отчасти внутренней площади всей капеллы» [Протасов, 1929, 97].

Несмотря на то, что Н.Д. Протасовым были получены вполне конкретные результаты, Е.Ч. Скржинская,

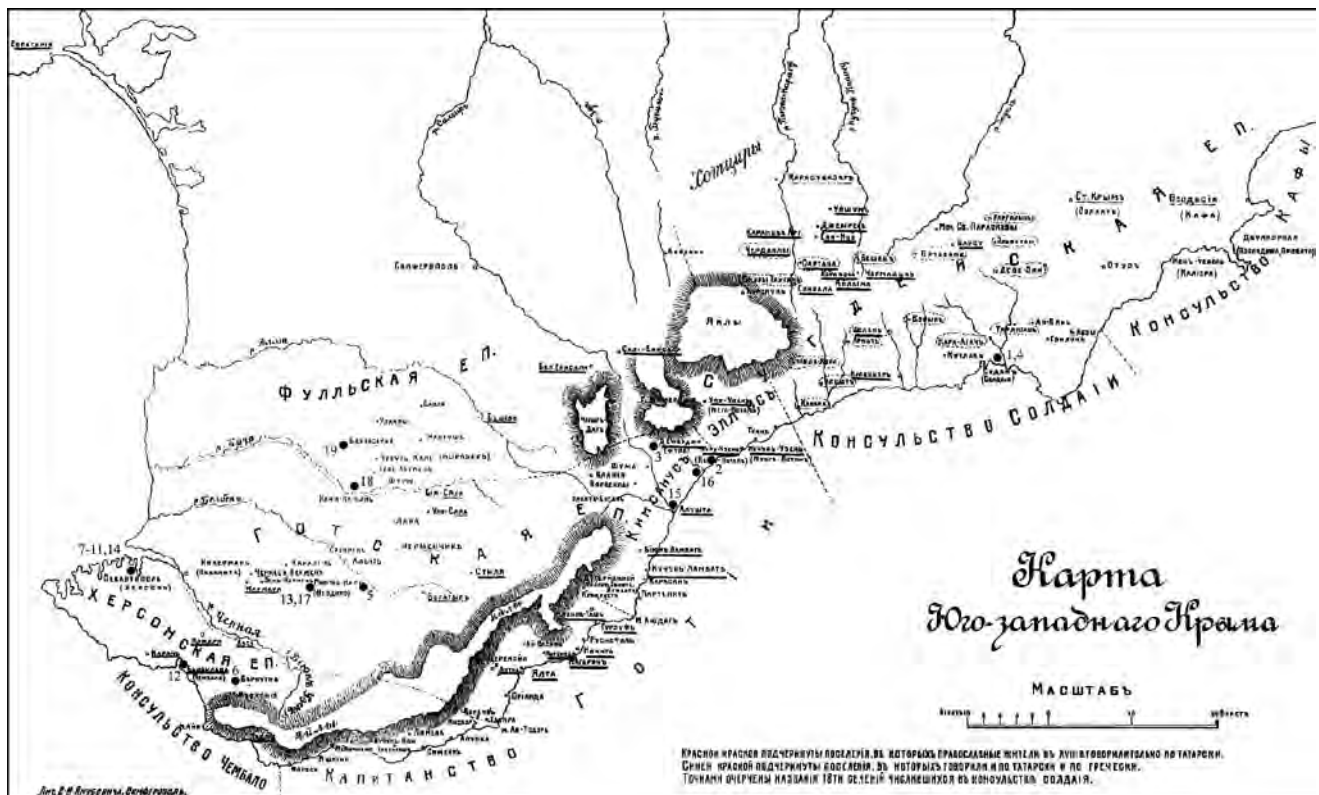

Рис. 1. Карта Юго-Западного Крыма с обозначением границ епархий [Бертье-Делагард, 1920] и локализацией основных объектов: 1 – «Храм на консолях» в Судакской крепости; 2 – храм Спасителя в Сотере; 3 – часовня некрополя Фуны; 4 – храм монастыря у подножия южного склона г. Перчем; 5 – базилика Пампук-Каи; 6 – базилика в с. Гончарное; 7 – «Северная базилика» Херсонеса; 8 – «Базилика 1832 г.» Херсонеса; 9 – «Храм с ковчегом» в Херсонесе; 10 – «Храм под собором» в Херсонесе; 11 – «Загородный храм» Херсонеса; 12 – двухапсидный храм в крепости Чембало; 13 – Большая базилика Мангупа; 14 – церковь № 16 в Херсонесе; 15 – базилика в цитадели средневековой Алушты; 16 – двухапсидный храм в с. Семидворье; 17 – базилика в Каралез-Дере у подножия Мангупа; 18 – храм св. Анастасии в Качи-Кальоне; 19 – пещерная церковь Бахчисарая.

тогда же занимавшаяся изучением фортификационных сооружений Судакской крепости и, надо полагать, хорошо знакомая с материалами исследований, в одной из своих капитальных работ, написанной в период с 1929 по 1931/32 гг., о необычной архитектонике данной церкви, тем не менее, высказалась несколько неопределённо, «Есть предположение, что с южной стороны базилика имела расширение, может быть даже оканчивавшееся абсидой; впоследствии осталась только ее главная часть в виде маленькой капеллы» [Скржинская, 2006, 39, 80].

В следующем году, судя по отчётному докладу Е.Ч. Скржинской о работах Судакской экспедиции в 1929 г., представленному в ГАИМК, раскопки сооружения уже не велись. Сообщается лишь то, что А.Л. Якобсоном, в то время студента-практиканта ЛГУ, был выполнен обмер объекта под условным названием «базилика на консолях» – о самом чертеже сведений нет [Скржинская, 2006, 155].

В 1946 г. группой специалистов под руководством архитектора В.Ф. Маркузона наряду с основными сооружениями крепости профессиональной графической фиксации подвергся также и её двухапсидный храм (рис. 3) [Опочинская, 1986, 255-256; Скржинская, 2006, 80].

В 1973 г. раскопки двухапсидной церкви Судакской крепости были завершены М.А. Фронджуло. Исследователь сообщает о трёх могилах, одна из которых, безымянная, перекрыта северной стеной храма. В северо-восточном углу здания им выявлен «дренаж, отводивший воду из купели наружу». Судя по керамике, найденной в засыпи, М.А. Фронджуло считает, что храм был сооружен не ранее XII в. [1974, 354].

В 1982-1983 гг. в урочище Сотера Е.А. Паршиной и О.И. Домбровским был раскопан ещё один двухапсидный храм (рис. 1, 2; 4) [Паршина, 1982, 1-8; 1983, 3-22; 1984, 313; Домбровский, 1983, 40-65].

Новое строение этого типа, третье по счёту, стало известно в 1985 г. Его остатки обнаружены археологическими раскопками Е.А. Айбабиной на территории некрополя средневековой Фуны, близ с. Лучистое Алуштинского района (рис. 1, 3; 5). Кладки стен сохранились на высоту до 0,80 м, внутри храма найдены многочисленные архитектурно-конструктивные детали и фрагменты фресок. Материал, полученный в ходе исследований памятника, позволил отнести время его постройки к XIV в. Церковь использовалась, очевидно, вплоть до XVIII в. [Айбабина, 1987, 298].

В 1986 г., в связи с обобщением результатов археологического изучения сельских поселений средневекового Крыма, краткое описание архитектурных остатков церкви Сотеры и некоторые размышления об её облике дал О.И. Домбровский. По мнению исследователя, «двухапсидное устройство храма для Крыма почти уникально». В качестве примера им упомянуты ещё два подобных строения – «Храм на консолях» в Судакской крепости и часовня близ укрепления Фуна [Домбровский, 1986, 528-529].

Впоследствии, каждый из исследователей, вводя в

научный оборот очередной двухапсидный храм либо пытаюсь его как-то интерпретировать, непременно отмечал неординарность объекта и приводил в качестве параллелей другие известные строения, выявленные предшественниками.

Подведение итогов ремонтно-реставрационных работ на сооружениях Судакской крепости, которые с 1968 г. осуществлялись на памятнике под руководством архитектора Е.И. Лопушинской, обусловило публикацию проектантом отдельных наблюдений и выводов, а также материалов исследований. В частности, отмечая необычность структуры и, как главную черту, двухапсидность «Храма на консолях», она считает, что «такого типа храмы, по-видимому, были распространены в византийской архитектуре, но до настоящего времени их сохранилось мало». Среди аналогий автор отмечает некоторые культовые строения Армении (церковь Арутюна в Санаине XIII в., храм в Кобайре XII-XIII вв.) и церковь на острове Наксос в Средиземном море, датируемую второй половиной VIII-IX вв. [Лопушинская, 1991, 87-89].

В связи с публикацией материалов археологических раскопок двухапсидной церкви Фуны, обнаруженной в 1985 г., относительно детально на рассмотрении данной проблематики остановилась Е.А. Айбабина [1991, 194-205]. В качестве примера ею приведены два подобных местных строения – «Храм на консолях» в Судакке и церковь Сотеры, а также грузинский храм Богоматери в с. Мгвимеви XIII в. [Айбабина, 1991, 195, 197, 199].

1993 г. ознаменовался появлением ещё одного двухапсидного строения, обнаруженного охранными раскопками у подножия южного склона г. Перчем в Судакке (рис. 1, 4; 11) [Баранов, 1994, 39-42]. На территории византийского укрепленного монастыря VII-IX вв. археологической экспедицией И.А. Баранова были выявлены и частично исследованы сильно поврежденные остатки большого храма в виде кладок двух нефов с апсидами и нартекса. В заполнении развала здания найдено много фрагментов и целых профилированных карнизов разных типов, обломки колонн, замковые камни и прочие резные детали. По итогам полевого сезона 1994 г., завершившего работы на памятнике, строение определено как крупный двухапсидный храм, являвшийся доминантой крупного средневекового монастыря [Баранов, Майко, Джанов, 1997, 38, 41]. В 1999-2000 гг. во время новых раскопок на памятнике В.Г. Туром были исследованы нартекс и южный неф церкви, что, согласно мнению коллег, позволило ему обнаружить два уровня полов и следы пожара [Виноградов, Джанов, 2004, 404; Майко, 2005, 206], хотя сам автор раскопок в своих отчётах об этом ни словом даже не обмолвился [Тур 2000а; 2000б].

Попытку систематизировать данные о двухапсидных храмах Таврики и выяснить их природу предприняли В.М. Мордвинцев и И.А. Кисиль [2002, 187-191]. Ими рассмотрено четыре объекта – церкви в урочище Сотеры, на некрополе Фуны, в Судакской крепости и у подножия г. Перчем. Со ссылкой на труд Покровского и семантику числа «2» они считают, что парные апсиды,

хотя и противоречат традициям церковного строительства, могут характеризовать «духовное происхождение и земное бытие» посланника божьего. По их мнению, эти архитектурные формы сложились «в Армении под влиянием переселенцев монофизитов, проповедовавших двуличность (*sic!* – В.К.) Иисуса Христа – Бога и Человека», а позднее указанный тип храмов был перенесен на территорию Крыма армянами переселенцами [Мордвинцев, Кисиль, 2002, 188-189]. Развивая эту тему дальше, исследователи соотнесли топоним Сотера с рассказом Миная Медичи о том, что в левой стороне престола одного из армянских памятников полуострова (в 15 верстах от Карасу-Базара по дороге в Судак) – церкви монастыря Спаса Преображения Господня (Пыргич) находился «черный камень, именуемый Пыргчакаръ, т.е. Спасский камень» и даже сумели разглядеть на фотографии в левой части западной стороны сотерского храма, надо полагать, подобный «черный камень, который выделяется своим цветом на фоне светлой стены» [Мордвинцев, Кисиль, 2002, 190-191]¹.

Более обстоятельной является публикация материалов археологического изучения храма Сотеры, принятая одновременно одним из его исследователей – Е.А. Паршиной [2002, 117-131] и архитектором – Ю.Г. Лосицким [2002, 132-138]. Наряду с обычно используемыми крымскими, кавказскими и малоазийскими аналогиями в качестве параллели ими привлечено также несколько подобных церквей Московского княжества. Относительно местных памятников Ю.Г. Лосицкий считает, что кроме известных построек, «возможно, двухапсидным был храм на Пампук-Кая, искаженный перестройками и описанный как базилика» (рис. 1, 5; 18-19) [Лосицкий, 2002, 134]. Подобное предположение, очевидно, бывшее предметом кулуарных обсуждений, в своё время обозначил также О.И. Домбровский, дополнив его ещё рядом, не названных конкретно, объектов: «Не однажды высказывавшееся мнение о двухапсидности двух мелких базилик горного Крыма – на Пампук-Кая и у села Гончарного – повисло в воздухе, ибо теперь через много лет после раскопок, уже нельзя проверить подобное предположение. Вместе с тем в Херсонесе можно причислить к двухапсидным церквям не менее трех крестовокупольных храмов и столько же больших базилик» (рис. 1, 5, 6; 21) [Домбровский, б.д., 2]².

¹ В этой связи необходимо отметить, что выполненный специалистом-минералогом В.П. Душевским визуальный осмотр кладок и определение петрографического состава строительного материала, результаты которого, судя по ссылкам на научные отчёты о раскопках храма, В.М. Мордвинцеву и И.А. Кисиль были известны, в указанной ими части стены каких-либо необычных или инородных включений не выявили, более того – за исключением известкового туфа и детритусового известняка, все камни имеют местное происхождение. [См., Душевский, 1984, 36-39].

² К числу упомянутых О.И. Домбровским, но не названных конкретно, двухапсидных храмов Херсонеса с оговорками можно отнести, по меньшей мере, две постройки – Северную базилику и базилику 1932 г., которые на определённых этапах

Очередной двухапсидный храм был выявлен археологическими разведками на территории генуэзской крепости Чембало (рис. 1, 12; 6). Строение, которое длительное время традиционно считалось самым маленьким церковным зданием Таврики, при более тщательном осмотре руин оказалось прямоугольным в плане сооружением с двумя алтарными полукружиями разной величины [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, 48]. В течение трёх полевых сезонов храм был исследован, а материалы его раскопок в полном объёме введены в научный оборот [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, 24-35. Рис. 91-127; Адаксина, Мыц, 2007, 20-23, 28. Рис. 190-211; 2008, 9-11, 21. Рис. 62-80].

Завершая историографический обзор известных сейчас двухапсидных храмов Таврики, следует отметить, что вне внимания всех без исключения исследователей этого типа сооружений почему-то осталась в стороне Мангупская базилика, которая в результате одного из ремонтов стала двухапсидной (рис. 1, 13; 14). Та же участь постигла и церковь № 16 в Херсонесе (рис. 1, 14; 22). Не задействованы до сих пор и материалы раскопок другой базиликальной постройки – Алуштинской, после реконструкции XV в. также превращённой в двухапсидный храм (рис. 1, 15; 16-17). Недавно источниковая база пополнилась материалами изучения нового (надо полагать, не последнего) храма этого типа – Семидворского, раскопанного в 2007 г. и пока ещё не введённого в научный оборот (рис. 1, 16; 7-8). К числу двухапсидных с определёнными оговорками может быть отнесена также целая группа других, давно известных, культовых сооружений средневекового Крыма, как, впрочем, некоторые из них, объявленные ранее таковыми, подлежат исключению из существующего перечня.

«Храм на консолях» в Судакской крепости. Церковь расположена в верхней части крепости на крутом склоне, неподалеку (чуть ниже по уровню) от внутренней линии обороны.

Наиболее ранние исторические и археографические сведения о памятнике, из числа известных, относятся к концу XVIII в. На картограмме (*плане крепости – ?*), датированной 1780 г., он отмечен как «развалины старой христианской церкви на горе» [Протасов, 1929, 86].

своего существования (не позднее рубежа X-XI вв.) действительно были дополнены боковыми алтарными полукружиями (рис. 1, 7, 8; 21). Однако, относительно первой из них, вследствие значительных утрат здания, вызванных абразией берега, достоверных данных о восточной части её северного нефа нет [Айналов, 1905, 27-29. Рис. 22; Якобсон, 1959. Рис. 75]. На плане, опубликованном А.Л. Якобсоном, вторая базилика также имеет вид двухапсидной церкви [Якобсон, 1959. Рис. 84], тогда как исследователь памятника Г.Д. Белов сообщает о двух, пристроенных позднее, боковых апсидах, которые отличались между собой размерами и формой – возможно, разновременных [Белов, 1941, 224. Табл. II]. Упомянутыми крестовокупольными храмами Херсонеса, видимо, являются «Храм с ковчегом», «Храм под собором» и «Загородный храм» (рис. 1, 9-11), дополненные одноапсидными приделами. [См., Лосицкий, 1988, 29. Рис. 1].

В специальной и научно-популярной литературе, а также у местного населения данная церковь обычно фигурирует как «храм на консолях» [Крикун, 1977, 27; Лопушинская, 1991, 87; Пономарьова, 1996, 213] либо «храм на кронштейнах» [Протасов, 1929, 86], иногда упоминается под названием «базилика на консолях» [Скржинская, 2006, 79, 155], «двухапсидная базилика» [Опочинская, 1986. Рис. 1] и «старинный храм» [Артеменко, 1985, 296]. Своё наименование строение получило вследствие неординарного архитектурно-конструктивного решения восточного фасада – консольного выноса одной из его апсид (большей), которая поддерживалась профилированными кронштейнами. Бытует ещё одна, несколько неожиданная, версия, согласно которой храм так назван потому, что арки перекрытия опирались на две консоли – северной и южной стен [Айбабина, 1991, 197]. Исключительной оригинальностью отличается мнение К. Эрлиха: «Расположив храм на крутом склоне, строители соорудили специальные подпорные стены – консоли». Само строение он считает армянской церковью [Эрлих, 2008, 89].

Путаница с двойным названием храма обусловлена специфичностью русской архитектурной терминологии, которая часто использует одинаковые по смыслу понятия, но заимствованные из разных языков. В этом плане весьма показательным определением, данное И.И. Артеменко одному из наиболее характерных архитектурно-конструктивных элементов здания: «северная апсида снизу поддерживается тремя каменными профилированными консолями в виде кронштейнов, поэтому его иногда называют храмом на консолях» [Артеменко, 1985, 296]³.

Храм представляет собой прямоугольное в плане строение с двумя полукруглыми апсидами разной величины (рис. 2; 3). Вход один, расположен посередине западной стены. Общие размеры сооружения по Н.Д. Протасову: длина – 7,40 м, ширина «от внешней площади северной стены до намечавшейся внутренней площади южной» – 4,20 м [Протасов, 1929, 86]. В.М. Мордвинцев и И.А. Кисиль данные величины подвергают небольшой корректировке, указывая иное значение – 7,43×4,25 м, и интерпретируют их как «размеры храма по внешнему обводу» [Мордвинцев, Кисиль, 2002, 187]. Н.Д. Протасов сообщает также о ширине заплечий храма, левого – 35 см, правого – 60 см, пытаясь объяснить разницу в размерах и асимметричность сооружения предшествовавшей данному строению другой, базиликальной, постройкой. По свидетельству исследователя, ширина южной апсиды составляла 1 м, а её глубина – 74,5 см [Протасов, 1929, 91].

Н.Д. Протасов приводит сведения о некоторых архитектурно-конструктивных элементах строения. Согласно его данным, «северная стена прорезана почти в

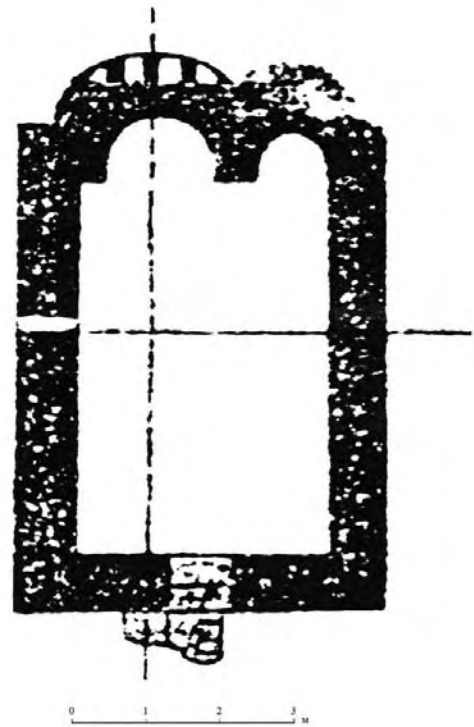

Рис. 2. План «Храма на консолях» в Судакской крепости [Протасов, 1928. Рис. 2].

центре узким, сходящим «на-нет», окном». Он отмечает также в северо-восточном углу большой апсиды нишу «в виде скоса», служившую, возможно, жертвенником. В нижней части кладки алтарного полукружия им обнаружены «небольшие кусочки сильно выцветшей фрески» [Протасов, 1929, 86, 92]. Позднее, надо полагать, именно эту нишу Е.И. Лопушинская трактовала как углубление под купель и соотнесла с ней найденную при раскопках керамическую трубу, по её мнению, предназначавшуюся для отвода воды [Лопушинская, 1991, 87]. Непонятно только, чьи археологические исследования она имеет в виду, поскольку Н.Д. Протасов сообщает о находке всего лишь фрагментов «гончарной трубы узкого диаметра», выявленных у апсиды в квадрате 16 [Протасов, 1929, 95], а М.А. Фронджуло подобным образом – бегло – информирует о существовании дренажа, не уточняя его конструкции [Фронджуло, 1974, 354].

В результате раскопок Н.Д. Протасову удалось выяснить также то, что северная апсида снаружи поддерживалась пятью кронштейнами разной величины и формы [Протасов, 1929, 91, 96]. Но, несмотря на это, практически все остальные исследователи строения сообщают лишь о трёх консольных опорах алтарного полукружия [Крикун, 1977, 27; Артеменко, 1985, 296; Мыц, 1991б, 58; Пономарьова, 1996, 213]⁴.

³ Если под названием «кронштейн» обычно подразумевается исключительно архитектурно-декоративная деталь, то термин «консоль» воспринимается, прежде всего, как конструктивный элемент.

⁴ Ближайшей аналогией им являются кронштейны консольного выноса Комендантской башни в Каменец-Подольской крепости XV-XVI вв. [Лонгвин, 1968, 349. Рис. 13, 1] и колокольни армянского храма свв. архангелов Михаила и Гавриила в Каффе.

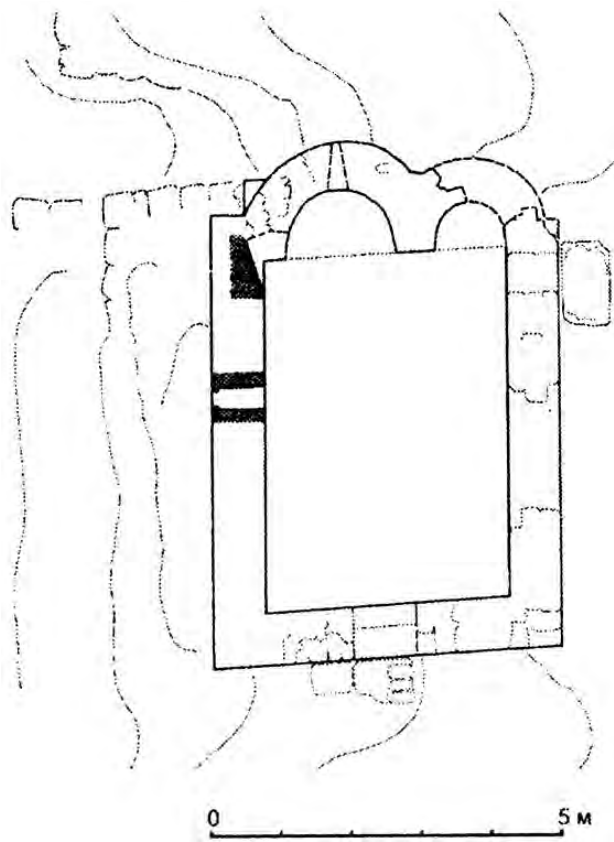

Рис. 3. План «Храма на консолях» в Судацкой крепости [Скржинская, 2006, 80].

О входе в храм Н.Д. Протасов отметил только то, что его порог «оказался сложенным из двух превосходно отесанных каменных плит 90 см длины, 40 и 30 см ширины». Судя по обмерному плану строения, иллюстрирующему отчёт о раскопках, речь идет о конструкции нижней части проёма, а первый обозначенный размер вполне может быть соотносён с величиной сооружения со стороны наоса [Протасов, 1929, 87, 90].

Пол храма был выстлан каменными плитами, уложенными на известковом растворе по грунту. Остатки мощения *in situ* во время раскопок выявлены у юго-западного угла и вдоль южной стены наоса. Толщина покрытия – 5-6 см. Ширина плит – в среднем 45,5 см. По отношению к порогу уровень пола понижен на 40 см [Протасов, 1929, 89, 90]. По свидетельству Е.И. Лопушинской, у апсид каменный настил возвышался на 12 см [Лопушинская, 1991, 87].

Н.Д. Протасовым церковь определена как капелла с двумя нефами и двумя апсидами [Протасов, 1929, 95, 96]. Е.В. Крикун и А.И. Опочинская считают её двухапсидной базиликой [Крикун, 1977, 27; Опочинская, 1986. Рис. 1]. По мнению И.И. Артеменко и Л.К. Пономарёвой, храм представлял собой сооружение зального типа с двумя апсидами [Артеменко, 1985, 296; Пономарёва, 1996, 213]. Е.И. Лопушинская реконструирует строение как однефный объём, который перекрывался коробовым сводом с подпружной аркой [Лопушинская, 1991, 87].

Е.А. Айбабина данную церковь называет небольшой двухнефной постройкой и, очевидно, по аналогии с храмом Сотеры, считает, что «нефы разделялись арками, опирающимися на столб». Она – единственная из всех исследователей памятника, кто сообщает об опоре внутри строения, высказывая при этом, правда, сожаление по поводу того, что «во время реставрации, проведенной здесь в 60-е гг., основание столба было закрыто плитами» [Айбабина, 1991, 197].

В слое разрушения храма во время раскопок Н.Д. Протасовым выявлено большое количество строительного камня из стен и сводов. Особую группу образуют квадратные плиты с профильной стороной, которые, судя по их обнаружению с внешней стороны здания, могли служить наружным карнизом. Согласно утверждению Н.Д. Протасова, все они изготовлены «из местного пористого песчаника или так называемого «ракушечного камня», надо полагать, копсельского происхождения. Относительно формы данной архитектурной детали исследователь отмечает, «Профиль нехарактерен для датировки» [Протасов, 1929, 93].

Вопрос хронологии храма Н.Д. Протасов считал одним из основных, поэтому для его выяснения он постарался привлечь все без исключения материалы исследования, прежде всего, стратиграфию, находки, стилиевые и конструктивные особенности строения.

Тщательное изучение кладок здания дало исследователю основание утверждать, что западная часть капеллы совершенно идентична с северной стеной, а, значит, речь может идти об их одновременности. Несомненной, по его мнению, является также полная идентичность кладки обеих апсид. Относительно южной стены, сохранившейся на высоту от 10 до 80 см, Н.Д. Протасов не сомневается в том, что та в хронологическом отношении «значительно старше северной». Отличие между ними, по его мнению, состоит в качестве кладки и, особенно, составе раствора, который на отдельных участках первой сразу после вскрытия культурного слоя «давал определенный розовый оттенок, как бы от присутствия толченого кирпича» и был очень крепким. Возведения же северной стены велось «с большей тщательностью с большим количеством чистого известкового раствора», а по характеру кладки она «гораздо ближе к кладке генуэзских башен крепости, чем южная» [Протасов, 1929, 88, 89-90, 92]. Особое внимание исследователь уделил на совпадение, по его мнению, рисунка кронштейнов капеллы с профилями аналогичных деталей расположенной неподалеку консульской башни. Данное обстоятельство позволило ему утверждать, что двухапсидная церковь крепости «не может не относиться» к генуэзской эпохе, т.е. её следует датировать временем не ранее 1365 или 1387 гг. [Протасов, 1929, 95, 96].

Несмотря на то, что Н.Д. Протасов достаточно конкретно и вполне обоснованно высказался по поводу времени возведения двухапсидного храма крепости, другие исследователи, тем не менее, со ссылкой на него же с завидной однозначностью, как правило, сообщают

о совершенно иной дате – XII в., вообще не фигурирующей в опубликованном учёным предварительном отчёте о раскопках [Лопушинская, 1991, 87; Мордвинцев, Кисиль, 2002, 187]. Некоторые из них в своих изысканиях пошли ещё дальше. В частности, согласно информации, введённой Л.К. Пономарёвой в научный оборот, неожиданно выясняется, что Н.Д. Протасов датирует памятник X-XII вв., а исследования М.А. Фронджуло при этом якобы подтвердили раннюю дату храма [Пономарёва, 1996, 213]. Справедливости ради необходимо отметить, что последним был установлен лишь *terminus post quem* строения – «не ранее XII в.» [Фронджуло, 1974, 354]. И.И. Артеменко с учётом результатов раскопок 1973 г. определяет хронологические рамки события в пределах XII-XIV вв. [Артеменко, 1985, 296]. В.В. Майко, привлекая те же источники, считает, что «некрополь, как и храм, функционировали в течение XIII-XIV вв.» [Майко, 2005, 212]. Е.В. Крикуном данная церковь без каких-либо обоснований вообще определена как «самая древняя постройка крепости» [Крикун, 1977, 27].

Хронологическую путаницу, видимо, но лишь отчасти, обусловило предположение Н.Д. Протасова о том, что двухапсидная капелла возведена генуэзцами над предшествовавшим ей базиликальным храмом, «может быть, построенным еще византийцами», с использованием его руин [Протасов, 1928, 97]. Данная гипотеза, безусловно, небезынтересна, но настолько же и не бесспорна. По утверждению Л.К. Пономарёвой, «Дослідження М. Фронджуло заперечують думку про триапсидний храм, але підтверджують його ранню дату» [Пономарёва, 1996, 213]. О.И. Домбровский наоборот, очевидно, также имея в виду результаты раскопок последнего, сообщает, что «храм на консолях» в Судакской крепости недавно оказался трехапсидным, а двухапсидным же «он стал восприниматься лишь утратив – по причине пока не известной – одну из своих апсид» [Домбровский, б.д., 2]. На мой взгляд, исходя из топографических реалий, крутой склон горы, угол падения дневной поверхности которого составляет около 45°, не самое удобное место для размещения широкого здания, не обеспеченного соответствующими специальными субструкциями. Более того, продольные размеры строения слишком малы для нормального базиликального сооружения, тип которого

на территории полуострова имел устоявшие пропорции [Лосицкий, 1990, 33-47; 1991, 83-97]. Даже если принять версию Н.Д. Протасова о том, что данный храм перестроен из базилики, важно другое – оба его алтарных полукружия единовременны, т.е. двухапсидность церкви можно считать изначальной.

Двухапсидный храм Сотеры. Храм расположен на плоском каменистом мысу между двумя оврагами, над расширяющейся близ устья р. Сотера приморской террасой. Строение было выявлено, а затем полностью исследовано Е.А. Паршиной и О.И. Домбровским в 1982-1983 гг. при археологических раскопках поселения VIII-X вв., у северо-западной границы которого оно находится [Паршина, 1982, 1-8; 1983, 3-22; 1984, 313; Домбровский, 198, 40-65]. Более ранние сведения о церкви неизвестны. Само селение, судя по наличию рядом с ним крупного двухапсидного храма, по мнению С.Г. Бочарова, в османское время могло быть известно под названием Монастир (Monastir), а до этого, при генуэзцах, как *de lo Sdaffo* или *Osdaffum* [Бочаров, 2005, 286, 289-290].

Обширная информация, введённая в научный оборот первыми исследователями памятника [Паршина, 2002, 117-131; Лосицкий, 2002, 132-138], позволяет получить относительно полное представление об его архитектонике и основных метрических характеристиках. При необходимости оно может быть дополнено или уточнено сведениями отчётов о раскопках [Паршина, 1982, 1-8; 1983, 3-22; 1984, 313; Домбровский, 1983, 40-65] и ар-

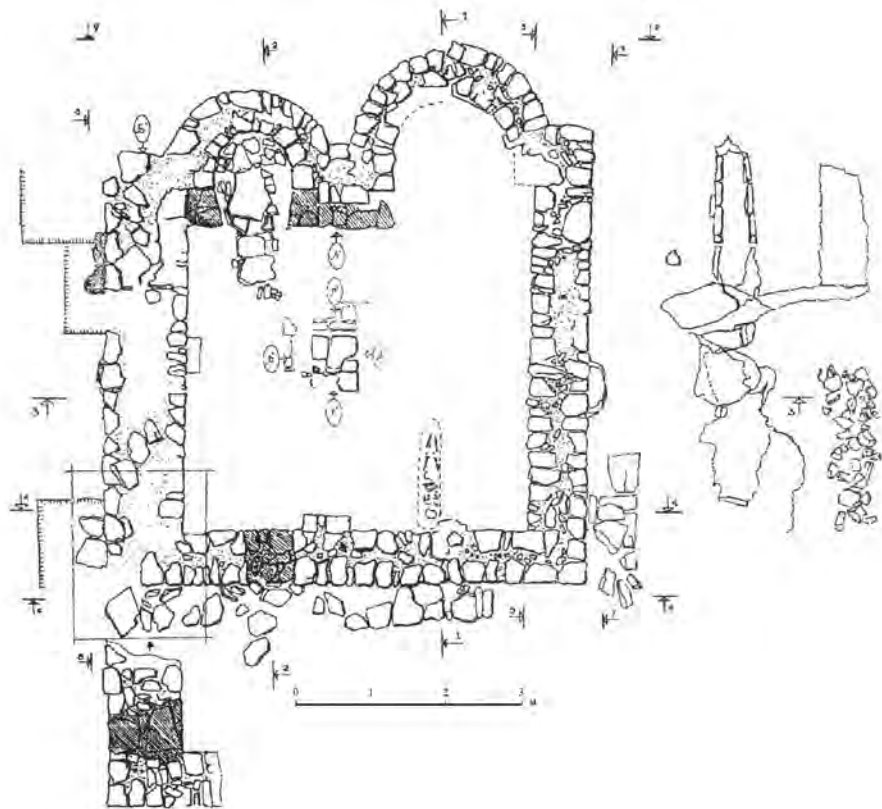

Рис. 4. План двухапсидного храма Сотеры [Паршина, 2002. Рис. 9].

хеографическими материалами [Домбровский, б.д.; Кирилло, 2011, 114-117].

Храм представляет собой почти квадратную в плане двухнефную постройку с двумя полукруглыми апсидами разной величины, каждая из которых расположена строго на оси соответствующего пролёта (рис. 4). Здание ориентировано на СВ-В. Азимут – около 84°. Внутренние размеры наоса – 4,60×4,60 м. Протяжённость его сторон снаружи составляет 6,10 м. Толщина кладок стен: северной – 1,20 м, всех остальных – 0,70-0,75 м.

Внутреннее пространство храма разделено продольно на две неравные части, которые между собой сообщались двумя одинаковыми проходами. Разграничение нефов осуществлено посредством прямоугольных выступов с западной и восточной сторон наоса, а также, располагавшегося на одной линии с ними, столпа в центре здания. Размеры лопаток: ширина – около 0,65-0,70 м, вынос – 0,20 м⁵. К северной стене, посередине, без перевязки кладок примыкает пилястра, стоящая прямо на полу храма. Её сечение – 0,45×0,20 м. Пролёты нефов, северного – 1,50 м, южного – 2,25 м.

В западной стене имеются два заложённых проёма: в южном нефе – согласно реконструкции Ю.Г. Лосицкого, дверной, а в северном – оконный. Ширина каждого из них – по 65 см [2002, 132. Рис. 1]. О.И. Домбровский считает, что оба они были входами [1986, 528]. Он также допускает возможность того, что ещё одна дверь имела и в западной половине южной стены (на расстоянии одной трети от угла), где перед зданием уложены крупные песчаниковые плиты – в виде площадки неправильных очертаний [1983, 42]. Вероятность данного предположения косвенно подтверждают упразднение и закладка обоих проёмов западного фасада здания.

⁵ В отличие от Е.А. Паршиной, Ю.Г. Лосицкий несколько обобщает метрические данные о несущих конструкциях храма, которые, в свою очередь, местами не совпадают со сведениями О.И. Домбровского. Он сообщает, что толщина западной, южной и наземной части северной стен сооружения, опорного столба, а также пилястр у западной и восточной стен составляет 76 см. Как следствие, на основании пропорционального анализа плана им сделан вывод о применении при разметке здания в натуре единого модуля, равного 76,4 см. По его мнению, данная величина не является случайной, но с малой погрешностью может быть соотнесена с 2,5 греческих футов по 30,8 см или половиной древнерусской прямой сажени 153 см. Согласно исследованиям Ю.Г. Лосицкого, внешние размеры храма равны 20×20, а внутренние – 15×15 футов или, соответственно, 8×8 и 6×6 модулей. Другие размеры здания в модулях имеют следующий вид. Ширина нефа: северного – 2, южного – 3. Внутренний диаметр апсиды: северной – 1, южной – 2. Запечки равны половине модуля. Поскольку наименьшей общей кратной величиной для всех размеров плана является толщина стен, исследователю, по его же собственному признанию, «не остается ничего другого, как предположить», что и вертикальные размеры сооружения строителями были определены при помощи того же модуля. Реконструируемые им высоты храма в модулях: общая – 6, внутреннего пространства – 5, южной апсиды – 4, проёмов аркады и входа – соответственно, 3,5 и 2,5 [Лосицкий, 2002, 132, 134, 136. Рис. 1].

Храм сложен из бута средней величины на известково-песчаном растворе. На углах использовались более крупные камни, подтёсанные с лица. Поверхности стен были оштукатурены, а внутри расписаны. В северной апсиде сохранились остатки фрески с изображением висячих складок узорчатой драпировки, выполненной белой, красной, жёлтой и чёрной красками [Паршина, 2002, 127-128. Рис. 11]. Судя по иллюстрациям к отчёту о раскопках, характерной особенностью данной росписи, которая почему-то не отмечена ни одним из исследователей памятника, хотя запечатлена на фотографиях и акварели художника А.В. Алексева, является то, что та покрывала также кладку, позднее дополнившую алтарное полукружие спереди и придавшую конхе подковообразную в плане форму [Паршина, 1983. Рис. 44, 48-50].

Пол церкви в своё время был вымощен плоскими сланцевыми плитами неправильной формы, сохранился частично.

В слое разрушения храма и закладке его проёмов в большом количестве представлены пиленые туфовые блоки от сводов и арок, клинообразные шамотные кирпичи. Е.А. Паршина сообщает также о находке фрагментов «круглых с рельефных изображением умбонов светлокрасной глины», хотя не совсем понятно, о чём конкретно идет речь [Паршина, 2002, 128]. Немного уточняет данную информацию О.И. Домбровский, упоминая «обломки нескольких глиняных украшений, подобных керамическим розеттам, украшающим стены некоторых малоазийских храмов» [Домбровский 1986, 528-529]⁶. Исследователь также отмечает, что тёмно-красные кирпичи из шамота и туфовые клинья арок имели одинаковые размеры и «по-видимому, в кладке они чередовались» [Домбровский 1986, 528]. Внутри постройки, в завале у южной апсиды, обнаружена квадратная плита известкового туфа в виде сильно усечённой пирамиды, большее основание которой (0,26×0,26 м) декорировано резным равносторонним с расширяющимися концами крестом в круге. На всех, кроме передней, гранях детали имеются остатки строительного раствора, а на лицевой поверхности отмечены следы штукатурки и набелов. По мнению исследователей, вполне убедительному и подкреплённому рядом крымских примеров, она могла украшать конху главной апсиды [Домбровский, 1983, 48; Паршина, 2002, 128. Рис. 13].

О.И. Домбровский считает, что «храм имел коробовый свод на подпружных арках и как бы был разделен на два нефа двухпролетной аркадой» [1986, 528]. По утверждению Ю.Г. Лосицкого, северная пилястра не

⁶ В своей, оставшейся неопубликованной, статье о храме по отношению к ним он употребил ещё одно образное сравнение – «похожие на большие старинные пуговицы», хотя и оно при отсутствии изображения не даёт необходимого представления о находке [Домбровский, б.д., 7]. Возможно, речь идёт о характерных для этого времени декоративных архитектурных деталях фасадов (в виде полых трубки с розеткой или блюдцем на конце), которые известны по раскопкам ряда других южнобережных храмов [Лысенко, Тесленко, 2002, 71-73. Рис. 6].

могла быть опорой для подпружной арки, «поскольку, во-первых, тонкая прикладка не может нести значительной нагрузки, во-вторых, напротив нее на столбе нет соответствующего выступа». Само перекрытие внутреннего пространства он реконструирует следующим образом: «Каждый неф был перекрыт коробовым сводом, а их общая стена прорезана двумя арочными проемами. Пяты арок опирались с одной стороны на столб, стоявший точно по центру между западной и восточной стенами, а с другой на две пилястры, примыкающие к этим стенам. Пяты коробовых сводов, перекрывавших нефы, опирались на наружные стены сооружения и на внутреннюю стену выше шельг ее арок» [Лосицкий, 2002, 132, 134. Рис. 1].

Кровля храма была черепичной.

Е.А. Паршина и О.И. Домбровский сообщают о двух строительных периодах храма, о чём, по их мнению, свидетельствуют заложенные дверной и оконный проёмы в западной стене, а также то, что «в кладке апсид и позднее встроенных пилястр», «в других строительных деталях» видны следы перестройки [1986, 529; 2002, 128].

Основываясь на особенностях кладки в разных местах здания, главным образом, использовании на отдельных, более поздних по времени, её участках кусков черепицы и пифосов, а также обломков деталей из туфа, О.И. Домбровский пришел к выводу о том, что сначала появился северный неф в виде самостоятельного здания – обычного храма с прямоугольным планом и полукруглой апсидой, который впоследствии был дополнен с юга приделом такой же формы, но немного большего размера. Он считает, что полуразрушенная стена между ними при этом подверглась частичной разборке, а её остатки посредством подтёски с торцов и докладки были превращены в столп и пилястры аркады [Домбровский, 1983, 48-49, 57-59, 64-65].

Ю.Г. Лосицкий строительную историю храма специально не рассматривает. Тем не менее, ему принадлежит очень важное наблюдение, сохранившееся в виде примечания к эскизному чертежу реконструкции здания, которое было сделано вскоре после обнаружения памятника⁷. Допуская вероятность поочередного появления нефов и использования одного из них в качестве первоначального ядра, по поводу сильно вытянутой продольно северной части церкви, внешние стороны наоса которой соотносятся как 4,8, он на основании анализа плана отметил, что «таких узких (*отдельно стоящих строений – К.В.*) нет нигде», а «отношение стены (*её толщины – К.В.*) к пролету 1,2 не встречается в таких храмах нигде», тогда как южный компартимент имеет обычные для подобных сооружений пропорции, соот-

⁷ По свидетельству О.И. Домбровского: «В связи с предварительной попыткой графической реконструкции храма (исп. архитектор Ю. Лосицкий) возник ряд вопросов, вызванных тем, что исследование памятника не было вполне завершено» [Домбровский, 1983, 40]. Хотя сама она, представленная в качестве иллюстрации к первому отчёту о раскопках [Паршина, 1982. Рис. 5-6], впоследствии была опубликована автором практически в изначальном виде [Лосицкий, 2002. Рис. 1].

ветственно, 5,8 и 1,3 (Домбровский, б.д., 26).

Точная дата возведения храма не установлена. Не ясно также, когда и как произошло его разрушение. По времени церковь соотносима с поселением, которое датировано материалами археологических раскопок VIII-X вв. За исключением одной усадьбы, погибшей в пожаре, остальные исследованные сооружения Сотеры носят явные признаки воздействия естественных факторов оползневого характера и, возможно, были уничтожены землетрясением или бурным селевым потоком [Паршина, 2002, 122, 130]⁸. По мнению О.И. Домбровского, удачное расположение храма («на оползнеустойчивом выступе горного склона») позволило тому избежать участи поселения, а стихия, разрушившая почти все постройки, обошла его стороной. Позднее, при вторичном заселении Сотеры, обветшавшее строение было восстановлено [Домбровский, 1986, 528-529]. Е.А. Паршина считает, что руины здания, открытого раскопками, принадлежат храму, построенному «не ранее XI-XII вв., в таком виде он доживает до XV в.» [2002, 130]. Терminus post quem второго строительного периода определяет находка двух монет времени правления Токты (1290-1313), одна из которых была обнаружена под плитами пола [Паршина, 2002, 129]. В.М. Мордвинцев и И.А. Кисиль датируют церковь XIV в. [2002, 187].

Предположение О.И. Домбровского о том, что первоначальный храм представлял собой обычное здание с прямоугольным в плане наосом и одной полукруглой апсидой, учитывая его пропорции – совершенно нехарактерные для этого типа сооружений, действительно является крайне маловероятным⁹. Более того, массовое использование обломков керамических изделий в кладке, которое исследователь в качестве отличительного технологического признака по времени соотносит с пристройкой второго нефа, на самом деле наблюдается в нижней части всех без исключения стен и, что немаловажно, северной апсиды. Не выдерживает критики, особенно с практической точки зрения, и его версия о перетёске руин бутовой конструкции, разделившей пролёты, в опоры аркады. Относительная цельность плана и сопоставимость (явное подобие) кладок здания дают основание считать, что храм изначально был двухапсидным и двунефным. Более того, учитывая то обстоятельство, что он является единственной, не пострадавшей при стихийном бедствии, постройкой полностью уничтоженного поселения, нельзя исключать вероятности его возведения позднее – во время возрождения Сотеры на новом месте, как мемориального здания, один из нефов которого предназначался для поминальных служб.

Во втором строительном периоде внутри наоса появ-

⁸ Новые раскопки поселения позволили сузить хронологические рамки существования его отдельных построек до VIII – первой половины IX вв. и выяснить, что оползневые деформации кладок происходили постоянно. [См., Теліженко, Тесленко, Лисенко, 2010, 424].

⁹ В определённой мере ему противоречит также и ничем не объяснимое смещение входа в южную сторону по отношению к главной оси пролёта, на которой находится алтарь.

вились новые архитектурно-конструктивные элементы, каменный пол, боковые пилястры подпружных арок (по крайней мере, одна – в северном нефе) и утолщение восточной стены, изменившее конфигурацию алтарных ниш. Поверхности всех кладок были оштукатурены, а северная апсида украшена росписью. Отмеченная реконструкция здания предполагала усиление перекрытия и обновление интерьера.

На последнем этапе существования храма произошёл очередной ремонт, возможно, обусловленный уменьшением несущих свойств внешних стен. Закладке подверглись все проёмы западного фасада. Их упразднение свидетельствует о том, что храм должен был иметь ещё один вход, вероятнее всего, с юга, на наличие которого косвенно указывают и остатки каменной площадки перед зданием в соответствующем месте. Снаружи, с северной, западной и южной сторон, стены строения утолщаются почти вдвое кладкой из крупного бута на глине. Она сохранилась на высоту одного-двух рядов камня, ошибочно интерпретирована исследователями как пандус [Домбровский, 1983, 50]. Внутри северной апсиды появляется массивный каменный престол в виде уступа алтарной ниши, кладка которого частично загродила собой фресковую роспись и перекрыла край могилы.

Е.А. Паршина утверждает, что двухапсидный храм Сотеры не имеет совершенно близких аналогов ни в Таврике, ни в других регионах, свидетельствуя тем самым о разнообразии архитектурного творчества и отсутствии жестко устоявшихся схем даже на уровне иконографии плана [Паршина, 2002, 130], что не бесспорно. Во многом ему подобна церковь Богоматери в с. Мгвимеви (Грузия), датируемая XIII в. [Гомелаури, 1982. Табл. 2].

Двухапсидный храм Фуны. Храм находится к северу от укрепления XV в., на территории некрополя XIII-XVIII вв. Он расположен на краю небольшой естественной площадки у северо-западного обрывистого склона возвышенности, занятой кладбищем.

Церковь была обнаружена и полностью исследована раскопками Е.А. Айбабиной в 1985 г. Кладки стен сохранились на высоту до 0,80 м, внутри строения найдены многочисленные архитектурно-конструктивные детали и фрагменты фресок [Айбабина, 1987, 298; 1991, 194-205].

Храм представляет собой прямоугольное в плане здание с двумя апсидами разной величины (рис. 5). Вход расположен с южной стороны, у западного угла. Очертания апсид округлые, их внешний абрис отличается немного уплощёнными боками. Внешние размеры церкви – 6×4 м. Толщина кладок – 0,60-0,75 м. Просвет входа – 0,70 м. Внутренняя ширина апсид: северной – 1,08 м, южной – 1,30 м. Их глубина – соответственно, 0,50 м и 0,55 м.

Обе апсиды храма единовременны. Внутри каждой из них имеется массивный каменный престол в виде уступа, занимавшего почти всё пространство алтарного

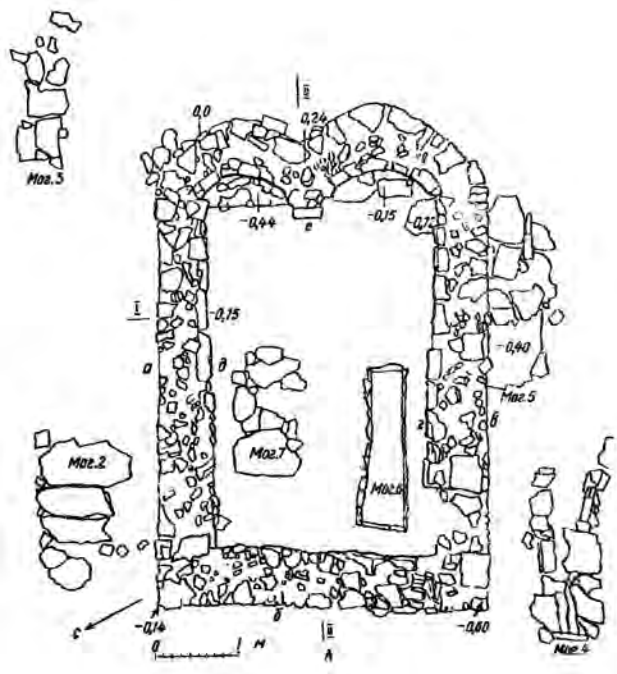

Рис. 5. План двухапсидного храма на некрополе Фуны [Айбабина, 1991. Рис. 1].

полукружия. Данные сооружения однотипные, сложены из бута на известковом растворе, плотно примыкают к оштукатуренной поверхности стен без перевязки кладок. Их толщина – 0,38 м, высота – не менее 0,60 м.

Пол храма, предположительно, был выстлан каменными плитами, из которых лишь одна – в южном углу перед алтарем – выявлена *in situ* [Айбабина, 1991, 197].

Е.А. Айбабина трактует храм как «небольшую базилику со слабо выделенными плечами круглых апсид» и предполагает, что её нефы, «возможно, разделялись колоннами или, скорее, столбами, никаких следов которых из-за сильного разрушения каменной вымостки пола и завала от обвалившихся стен зафиксировать не удалось» [Айбабина, 1991, 194]. Ссылаясь на примеры использования отдельных помещений базилик Херсонеса, она считает, что «вероятное назначение северного, меньшего по размерам нефа – часовня». Тогда как, по её мнению, южная часть церкви «могла быть жертвенником, а по необходимости и часовней» [Айбабина, 1991, 199]. Несколько неправильная форма алтарных полуциркульных арок дала основание О.И. Домбровскому определить строение как небольшую часовню «с двумя гранеными апсидами» [Домбровский, 1986, 528]. Сопоставимость данного сооружения с распространённым в армянской культовой архитектуре типом двухапсидных церквей-усыпальниц предполагает их функциональное и этническое тождество [Кирилко, 2001, 1087-1088; Кирилко, Мыц, 2001, 365].

Для датировки храма ключевыми являются найденная в забутовке северо-западной стены монета Тархана (Астрахани) 1381 г. и характерный для XV в. погреб-

бальный инвентарь одной из могил внутри строения. Полученные раскопками артефакты позволили Е.А. Айбабиной определить время возведения церкви концом XIV-XV вв. [Айбабина, 1991, 195, 197]. Согласно результатам химико-технологического и петрографического изучения кладочных растворов строения, которые соотносимы с четко дифференцированными строительными периодами соседнего укрепления, данные хронологические рамки могут быть сужены до пределов второй-третьей четвертей XV в. [Стриленко, Нестеренко, 2005, 260-261].

Двухапсидный храм Чембало. Церковь находится внутри генуэзской крепости XIV-XV вв., рядом с цитаделью. Она расположена практически на вершине горы, у самого донжона – на расстоянии всего 2,5 м к западу от его талуса.

Длительное время данное строение исследователями традиционно интерпретировалось как обычный малый храм с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой [Мыц, 1991. Рис. 6, 23, 14, 8; Алексеенко, 1999. Рис. 1]. При проведении археологических разведок на территории крепости более внимательное ознакомление с объектом позволило выявить едва заметные на поверхности земли остатки остальных кладок здания и прийти к выводу, что церковь могла быть двухапсидной [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, 47]. Последовавшие затем раскопки подтвердили данное предположение [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, 24-35. Рис. 91-127], более того вскоре была установлена разновременность отдельных частей строения, в результате чего само оно обрело статус «так называемого двухапсидного храма» [Адаксина, Мыц, 2007, 20-23, 28. Рис. 190-211; 2008, 9-11, 21. Рис. 61-80].

Церковное здание в плане прямоугольное, разделено на два нефа сплошной стеной (рис. 6). Южный компартимент храма пристроен к северному без перевязки кладок. Апсиды округлые, разной величины. Общая ширина строения – 6,16 м, его длина – 8,20 м. Размеры первоначального здания – 3,70×8,20 м. Азимут – 81°. Толщина стен: северной и внутренней – 0,65 м, южной – 0,54 м, западной (основного объема, у основания, и пристройки) – соответствен-

но, 0,73 и 0,55-0,60 м, апсид – 0,45-0,50 м. Размеры северного нефа: ширина – 2,32 м, длина – 5,55 м, глубина апсиды – 1,40 м, диаметр алтарного полукружия – около 1,75 м. Ширина южного нефа – 1,90 м, внешний и внутренний диаметры его апсиды – 1,30 и 0,66 м. Оконные и дверные проёмы не сохранились. Предположительно, строение имело два входа с западной стороны, каждый из которых вёл в соответствующий неф храма. Стены сооружения сложены из разномерного бута на известковом растворе. В кладке применялись также обломки керамид. Конструкция стен трёхслойная двухлицевая. Кладка апсид в нижней части однолицевая. Южный неф внутри был оштукатурен. Характерной особенностью конструкции стен является включение в кладку нескольких крупных скальных обломков, один из которых располагается над захоронением (мог. 8). Мощность фундаментов – 0,10-0,45 м. Субструкция впущена в культурный слой практически до уровня материка – скальной поверхности и напластований характерной белесо-охристой глины. Кладка фундаментов и, в частности, апсиды велась в траншею, внешний борт которой скошен наружу.

Пол глиняный плотный с относительно ровной поверхностью, отбивается четко. В северном нефе имеется небольшое удлиненное углубление, образовавшееся

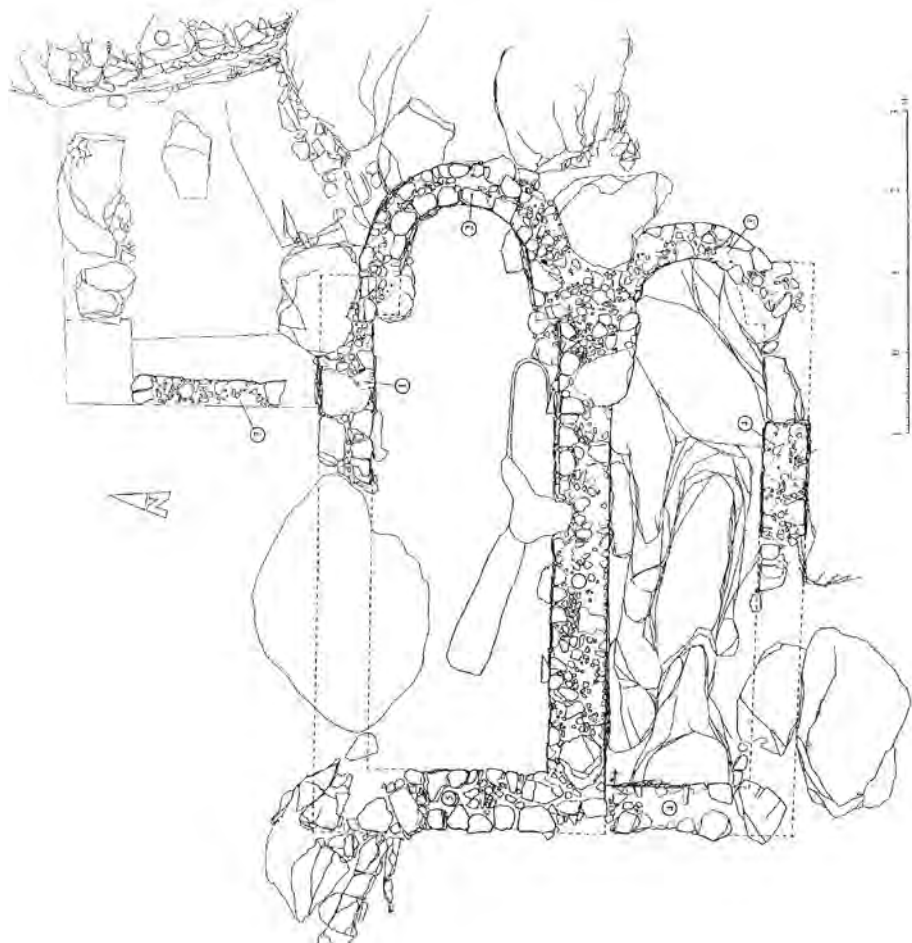

Рис. 6. План двухапсидного храма Чембало [Адаксина, Мыц, 2007. Рис. 190].

в результате просадки грунта над захоронением. Судя по ориентации и погребальному инвентарю [Адаксина, Мыц, 2008, 10-11. Рис. 79], оно по времени предшествовало появлению храма. Местами, в западной половине нефа и перед апсидой, дневная поверхность внутри строения отмечена натёками известкового раствора толщиной до 0,01 м.

По мнению исследователей, в первоначальном виде храм представлял собой обычное прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой¹⁰. В скором времени к нему пристроили южный неф, по всей видимости, с целью погребения здесь членов отдельной семьи [Адаксина, Мыц, 2008, 9]. По крайней мере, выявленные в этом компартименте захоронения (мог. 10) – единственные из числа обнаруженных раскопками внутри строения могил (кроме двух детских у северного алтарного полукружия – мог. 13-14), которые совершены собственно в храме, остальные либо ему предшествовали (мог. 11-12), либо появились уже после его разрушения (мог. 1).

Точные даты возведения церкви и её превращение в двухапсидную постройку не установлены. Археологическое исследование здания и примыкающей к нему территории позволило получить лишь представление о соотношении храма с расположенными рядом фортификационными сооружениями цитадели. Захоронения у самого талуса башни, которые были повреждены и потревожены строителями при её возведении, дают основание утверждать, что кладбище на этом месте существовало не только до появления двухапсидного храма, но также и раньше предшествовавшего ему донжона, датируемого концом 60-х годов XV в. Отложения же культурного слоя, образовавшиеся на этом участке при боевых действиях 1475 г., и строительный горизонт церкви, который сразу перекрыт каменным завалом и разрушенным известковым раствором, соотносимыми с разрушением храма, по сути, имеют единую дневную поверхность. Исходя из стратиграфии, строение предварительно было датировано последней четвертью XV в. [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, 35. Рис. 95, 102].

Дальнейшими раскопками памятника удалось выяснить, что церковь возведена в два этапа и имеет явные признаки двух строительных периодов, оба – XV в. [Адаксина, Мыц, 2007, 28]. По завершению археологического изучения двухапсидного храма, исследователями сделан итоговый вывод о том, что церковь была сооружена во второй половине XV в. и служила часовней для обитателей средневекового города, а вокруг неё на протяжении нескольких десятилетий сформировался небольшой некрополь [Адаксина, Мыц, 2008, 21]. Учитывая данные раскопок, топографию памятника и историческую ситуацию, наиболее вероятной датой появле-

ния храма и его реконструкции следует считать конец 60-х – первую половину 70-х годов XV в.

Двухапсидный храм с. Семидворье. Храм находится на территории современного с. Семидворье (бывш. Еди-Евлер), располагается на восточном отроге г. Милья и занимает вершину небольшого холма Тузлукх в 380-400 м от берега моря. Строение обнаружено и полностью исследовано археологической экспедицией под руководством И.Б. Тесленко в 2007 г.¹¹

Церковь представляет собой прямоугольную в плане двухапсидную постройку (рис. 7-8). Внутри здания, в его южной половине, выделяется ограждённое со всех сторон стенами пространство, с чётко обозначенным входом с юга. Общие размеры строения: ширина – 5,60-5,70 м, длина – 8,50 м. Толщина стен – около 0,68 м. Азимут – 47°. Остатки сооружения сохранились на высоту до 0,80 м. Кладки храма трёхслойные двухлицевые, выполнены из камня разной величины на грязевом растворе с использованием в качестве вяжущего материковых суглинков. Характер кладочного материала, а также структура и состав грунта, заполнявшего внутренние пустоты конструкции стен, дают основание для вывода о том, что здание неоднократно ремонтировалось.

Сохранившиеся руины строения, несмотря на значительные утраты, позволяют достаточно хорошо проследить очерёдность появления отдельных частей храма и получить определённое представление об его архитектонике на разных этапах существования.

Первоначальный храм представлял собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой. Строение ориентировано продольно. Размеры наоса: внешние – 3,53×5,35 м, внутренние – 2,32-2,34×4,15 м. Общая длина сооружения – 6,88 м. Толщина стен – 0,65-0,69 м. Кладки сохранились на высоту 0,20-0,80 м.

Остатки первоначальной апсиды в настоящее время с внутренней стороны и частично сверху закрыты более поздней облицовкой (рис. 9). Ширина алтарного полукружия – около 1,70 м, его глубина – 1,38 м. Внешний диаметр апсиды – 2,13 м. За плоскость стены она выступает на 1,50 м. Ширина плеч: северного – 0,27 м, южного – 0,20 м. Толщина кладки алтарного полукружия – 0,72-0,77 м. Внутренние очертания апсиды в плане могли быть слегка подковообразной формы.

Строение имело, предположительно, три входа – в южной, западной и северной стенах.

Достоверных данных о западном входе в здание нет. Сохранившийся частично северный откос проёма появился позднее, во время ремонта строения. Вероятнее всего, он повторил первоначальное, утраченное сейчас полностью, сооружение.

Южный вход впоследствии также был перестроен,

¹⁰ Его внутреннее пространство могло быть разделено на два помещения – нартекс и наос. Косвенным свидетельством существования полностью утраченной впоследствии перегородки является чётко выраженная, прямоугольная, конфигурация патины на скальной поверхности пола. [См., Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006. Рис. 93, 105, 108-113].

¹¹ Сердечно признателен автору раскопок И.Б. Тесленко за приглашение участвовать в изучении храма. Появление данных наблюдений по архитектонике семидворской церкви стало возможным исключительно благодаря её любезности и содействию, а также постоянному обмену мнениями с коллегами, осуществлявшими археологическое исследование памятника.

но сохранил своё расположение. Он находится в средней части стены на расстоянии, по отношению к южному и восточному внешним углам здания, 2,36 и 1,94 м. Проем в плане прямоугольный. Его размеры на уровне порога: ширина – 1,02 м, глубина – 0,69 м. Расположенная выше часть (третий ряд камней кладки) восточного откоса, нависая, выступает и сужает просвет до 0,92 м. Кроме того, она немного развернута вовнутрь помещения и, судя по наличию обломков известковой штукатурки в кладочном растворе, не исключена возможность её относительно позднего происхождения.

Северный вход при восстановлении здания в третьем строительном периоде был заложен и в настоящий момент выделяется на фоне сохранившейся кладки лишь благодаря двум чётким относительно вертикальным швам, обозначившим его края, и отложениям культурного слоя на уровне порога в нижней части проёма. Зондированием конструкции выявлены откосы проёма и остатки их штукатурки. По отношению к северному и западному внешним углам строения вход расположен на расстоянии 1,45 и 3,38 м. Со стороны помещения он находится, соответственно, в 0,70 м от апсиды и 2,60 м от передней стены. Проем в плане имеет вид прямоугольной трапеции с немного скошенной западной гранью, сужается наружу. Его размеры: просвет – 0,70 м, внутренняя ширина – 0,74 м, глубина – 0,70 м. Характерной особенностью и обоим откосам проёма на исследованном участке является то, что формировавшие их угловые камни кладки между собой образуют достаточно большой зазор шириной 0,07 м, который был заполнен глинистым грунтом и затем покрыт известковым раствором. Толщина: штукатурного слоя – 0,5-1,0 см, шва между конструкцией стены и закладкой входа – 0,5-2,4 см.

Сведений об окнах, каких-либо других проёмах и нишах нет.

Кладка стен выполнена из камня разной величины. Характерной особенностью конструкции является при-

менение относительно большого количества булыг. Судя по тому, что при возведении стены, по крайней мере, в кладке её нижней части активно использовался окатанный морем или речным течением бут, надо полагать, строители старались учитывать прочность камня. Остальной кладочный материал, собранный в ближайших окрестностях строения представлен, в основном, блоками аргиллитов и сланцевого песчаника, которые, хотя и образуют относительно ровные сколы, отличаются повышенной анизотропией. Как следствие многие из них, выставленные во внешних слоях конструкции плоскими гранями наружу, позднее, в процессе эксплуатации здания, покрылись сквозными вертикальными трещинами и расслоились, а местами даже утратили лицевые поверхности. Отмечено использование нескольких обломков конгломерата. Лишь на одном из участков

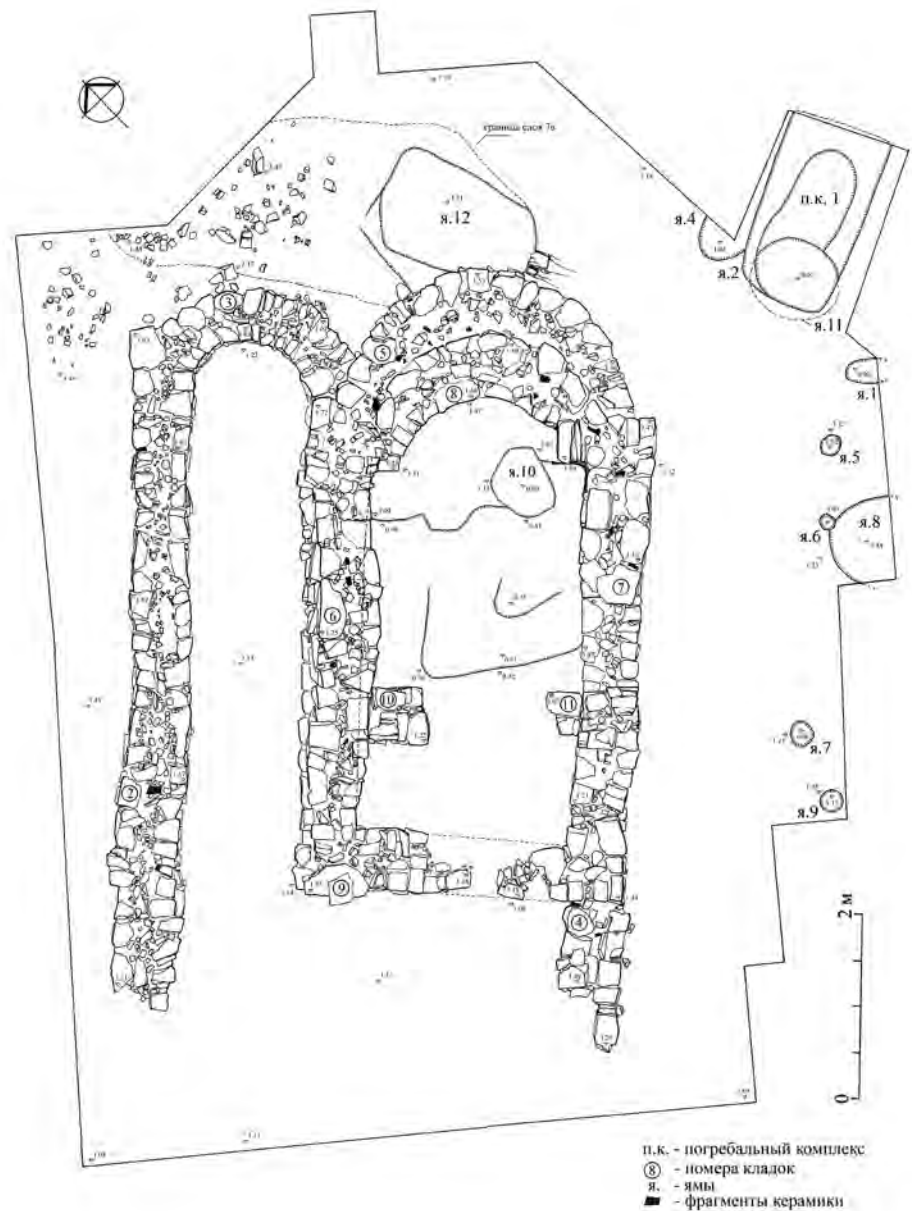

Рис. 7. План двухапсидного храма в с. Семидворье [Тесленко, 2011. Рис. 7].

Рис. 8. Семидворский двухапсидный храм. Общий вид с юго-запада. Фото И.Б. Тесленко. 2007 г.

кладки – северного внешнего угла церкви, однозначно принадлежавшего первоначальному сооружению, выявлено применение фрагмента калиптера для заполнения зазора между отдельными камнями. Все остальные случаи подобного применения боя керамических изделий при возведении стен храма, соотносятся уже с ремонтами здания.

Судя по находкам в слое разрушения многочисленных обломков блоков известкового туфа, завершение апсиды было каменным. Плохая сохранность и сильная фрагментарность деталей не позволяет получить необ-

ходимые данные о конструктивных и архитектурных особенностях конхи.

Исходя из незначительной прочности кладки стен, перекрытие наоса, вероятнее всего, было стропильным на два ската с черепичной кровлей.

С внутренней стороны строения кладки стен были оштукатурены известковым раствором (рис. 10). Толщина слоя – 0,5-2,0 см. Поверхность покрытия неровная, со следами затирки травой. Штукатурка нанесена непосредственно на поверхность камня, на отдельных участках пустоты и швы кладки предварительно выравнивались плотным суглинком характерного серо-оливкового цвета. Мощность подготовительного слоя составляет 0,5-11,0 см. На стыке с полом известковое покрытие стен скругляется и немного заступает его поверхность.

Остатки штукатурки южного заплечика апсиды сохранились *in situ* и имеют протяжённость 0,37 м. Фиксируя первоначальные габариты сооружения, они почти на 0,10 м выступают за пределы собственно его кладки, ширина которой на том же уровне равна всего 0,34 м. Данная разница в размерах, если, конечно, её не обуславливала утрата части угла вследствие расслоения нижнего камня, при оштукатур-

Рис. 9. Апсиды Семидворского храма. Вид с востока. Фото автора. 2007 г.

турировании стен легко могла быть устранена с помощью предварительного выравнивания неровностей кладки глиной, что, видимо, в своё время и произошло. По крайней мере, подобная подготовка конструкции под нанесение известкового покрытия выполнена со стороны наоса. Толщина формовочной массы составляет 0,5-3,0 см. Аналогичным образом была создана также относительно ровная поверхность сильно западающей части кладки противоположного заплечика, где средняя мощность выравнивающего слоя глины колеблется в пределах 6,0-8,0 см, а максимальная достигает 11,0 см.

Стены здания фундамента, как такового, не имели. Практически повсеместно они поставлены на дно котлована, плотно примыкая к его бортам. Основанием для них являются материковые суглинки с локальными обнажениями аргиллитов. Исключение составляет северный угол строения и смежная часть апсиды. Их кладки выступают за пределы выемки, перекрывая предшествовавшие им отложения культурного слоя.

Пол строения земляной, относительно ровный. По отношению к дневной поверхности снаружи здания он заглублён на 0,15-0,20 м.

Площадка алтарного полукружия со стороны наоса имеет криволинейные очертания. Примыкая к южному заплечу, у северного она выступает вовнутрь храма на 0,55 м, возвышаясь при этом над полом на 0,13-0,18 м.

О декоративном убранстве строения сведения скудны. Судя по находке нескольких обломков известковой штукатурки с остатками монохромной росписи, отдельные участки поверхности стен внутри здания могли быть украшены несложным линейным орнаментом либо надписями, выполненными красной краской. Особое значение в оформлении интерьера имели многочисленные металлические кресты, выявленные во время раскопок. Одни из них (с заостренным и отогнутым нижним концом) крепились к конструкциям здания, другие (с отверстиями для подвешивания) могли быть помещены на алтарную преграду, предположительно, в виде занавеса, отделявшего сакральную зону храма от наоса. Внутреннее пространство строения освещалось лампадками.

Во время реконструкции первоначальный храм был дополнен Г-образной в плане пристройкой. Она, охватывая здание с севера и запада, по сути, представляет собой боковой неф, совмещённый с притвором. С восточной стороны помещение завершалось полукруглой апсидой. Данных о передней части пристройки нет. Её южная стена пристыкована к основному сооружению заподлицо с его боковым фасадом и имеет вид удлинённого пилона.

Внутри строения апсида плавно сопряжена с продольными стенами. Снаружи она образует чётко выраженное плечо шириной 0,37 м. Её диаметр: внешний – 1,20 м, внутренний – 0,63 м. Толщина кладки – 0,57-0,59 м. За пределы нефа апсида выступает на 0,45 м.

В отличие от кладки северного плеча первоначального здания, подстилаемой отложениями культурного слоя, примыкавший к нему вплотную южный край вто-

Рис. 10. Остатки штукатурки на поверхности кладки внутри наоса Семидворского храма. Фото И.Б. Тесленко. 2007 г.

рой апсиды, как и все сооружение, впущен в материк. Разница в уровнях залегания обеих конструкций свидетельствует об их относительной одновременности. Старые и новые кладки между собой на стыках не перевязаны.

Ширина нефа в западной части – 1,34 м, на восточном конце она уменьшается до 1,26 м. Протяжённость всего помещения была не менее 6,80 м. Глубина апсиды – 0,57 м.

Об архитектурном решении западной части храма можно судить только предположительно. Остатков кладки передней стены пристройки не сохранилось. Более того, раскопками не отмечено также даже их следов либо признаков повреждения культурного слоя, неизбежных в случае выборки камней конструкции. Вероятнее всего, здание спереди было открытым, а навес поддерживался боковыми стенами и промежуточными опорами¹². Учитывая в целом небольшой пролёт сооружения – 4,15 м, для того, чтобы обеспечить нормальную работу всей конструкции и избежать провисания балки, достаточно одного деревянного столба. Отсутствие соответствующих выемок в основании позволяет предполагать, что опора могла быть поставлена на каменную плиту, впоследствии также утраченную. Судя по остаткам юго-восточной стены, вынос навеса составлял 1,65-1,80 м.

¹² Своего рода аналогией обустройства пространства перед западным входом в строение может служить пример близкого по времени жилого дома на поселении около с. Передового, кстати, ориентированного по сторонам света идентично семидворскому храму [Якобсон, 1970, 85]. Подобное архитектурное решение использовано и в одном из зданий Сотеры второй половины VIII – первой половины IX вв. [Теліженко, Тесленко, Лисенко, 2010. Рис. 1]. Открытый спереди портик в антах с двумя промежуточными опорами применён в церкви позднесредневекового (XIII-XIV вв.) христианского скита на мысе Виноградный [Яшаева, 1996, 146. Рис. 3, 5]. В храме над балкой Кая-Арасы (район Кыз-Кермена), предварительно датированном XIV в., к западному фасаду со временем был пристроен нартекс, возможно, также открытый со стороны входа [Белый, 1992, 146, 149. Рис. 3, 9].

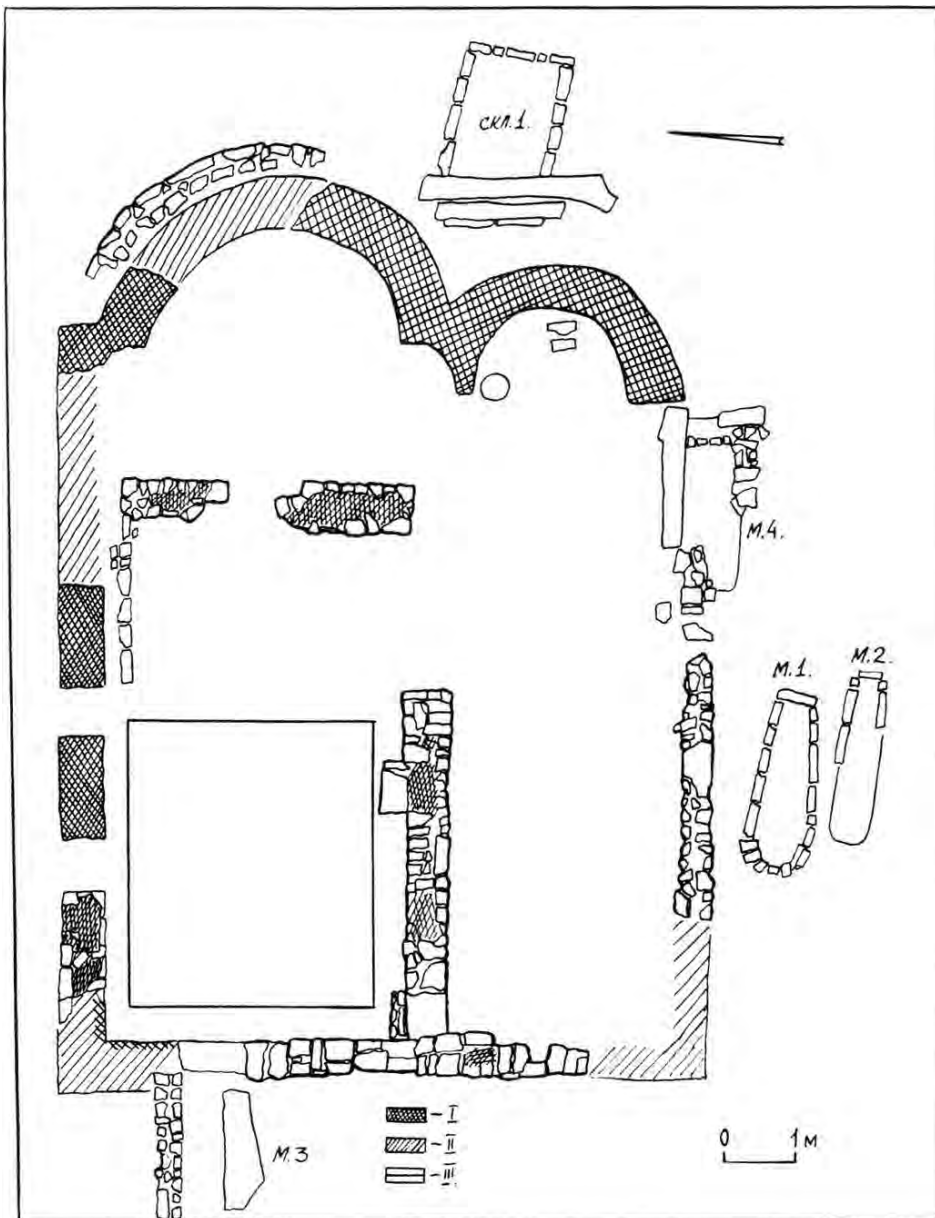

Рис. 11. План монастырского храма у подножия южного склона г. Перчем [Баранов, 1994, 42].

Возможна также и иная реконструкция передней части крыши. Поскольку никаких следов от промежуточной опоры не выявлено, хотя при этом одновременные ей столбы навеса у южного входа были впущены в материк, достаточно большой представляется вероятность того, что консольно выступавшие концы конькового бруса и северного мауэрлата могли поддерживаться деревянными подкосами – архитектурно-конструктивной деталью, достаточно распространённой в средневековом строительстве причерноморского региона.

Кладки пристройки трёхслойные двухлицевые. В заполнении внутреннего пространства конструкции местами отмечены фрагменты керамической черепицы. На одном из участков внешней продольной стены протяжённостью 2,10 м, расположенном в 1,35 м от северного угла здания, забутовка состоит практически

из одних мелких обломков известкового туфа. В кладке почти нет булыг. Исключением является угловая плита со скруглёнными краями, формировавшая плечо апсиды. В нижней части последней использованы также два грубо околотых обломка мшанкового известняка.

В третьем строительном периоде здание претерпевает капитальную реконструкцию, которая сопровождалась существенным изменением предыдущей плановой схемы.

Характер кладки на участке северного входа позволяет определить состояние стен храма во время их ремонта. Судя по тому, что закладка проёма велась крупным камнем, уложенным вплотную к откосам, и уже на высоте 0,50 м от уровня пола была с ними перевязана, есть основание считать, что к началу работ стена выше этой отметки была почти полностью утрачена либо подлежала разборке. Сохранность остальных конструкций строения была и того хуже. На юго-восточной и юго-западной стенах здания признаки обновления видны уже на уровне второго ряда камней кладки.

Показательной является реконструкция апсиды первоначального храма. Уцелевшие к настоящему времени остатки её кладки, по сути, демонстрируют состояние алтарного полукружия накануне ремонта. Высота руин данного сооружения тогда составляла всего 0,30-0,50 м. Более того, край северного заплешика, как показало зондирование кладки, уже был полностью утрачен. Новая апсида пристроена к остаткам прежнего алтарного полукружия с внутренней стороны и частично перекрывает их, заступая на 0,10-0,30 м, своей внешней частью. Первоначальное значение и форму (если не учитывать утрату штукатурного слоя) при вторичном использовании сохранило лишь южное заплешико. Противоположный выступ апсиды был полностью переложен и вынесен вперед (вовнутрь наоса) на 0,15 м. Его ширина равна 0,29 м.

Характерной особенностью новой конструкции ал-

тарной ниши является то, что тыльная сторона её кладки на этом уровне (в пределах вскрытого зондажом участка протяжённостью 0,70 м), практически вплотную примыкая к первоначальному сооружению, имеет прямолинейный абрис и чётко выраженный лицевой слой. Учитывая сильно уплощённую боковую (южную) поверхность, внутренние очертания ранней апсиды в виде половины правильного восьмигранника в принципе возможны, но маловероятны – аналогии неизвестны¹³, да и логика непонятна. Более естественной, как вариант реконструкции, представляется попытка (нереализованная до конца) создания новой апсиды с ломаным внешним контуром плана. Размеры алтарного полукружия после ремонта: пролёт – 1,73 м, глубина – 0,82 м. Его диаметры (центры не совпадают): внутренний – 0,85 м, внешний – 1,44 м. За пределы стены апсида выступала на 0,85 м. Толщина её кладки, на уровне первоначальных руин – 0,42-0,54 м, в верхней части – 0,59 м.

Новым архитектурно-конструктивным элементом строения стало появление внутри храма массивной каменной перегородки, поперечно разделившей пространство основного объёма

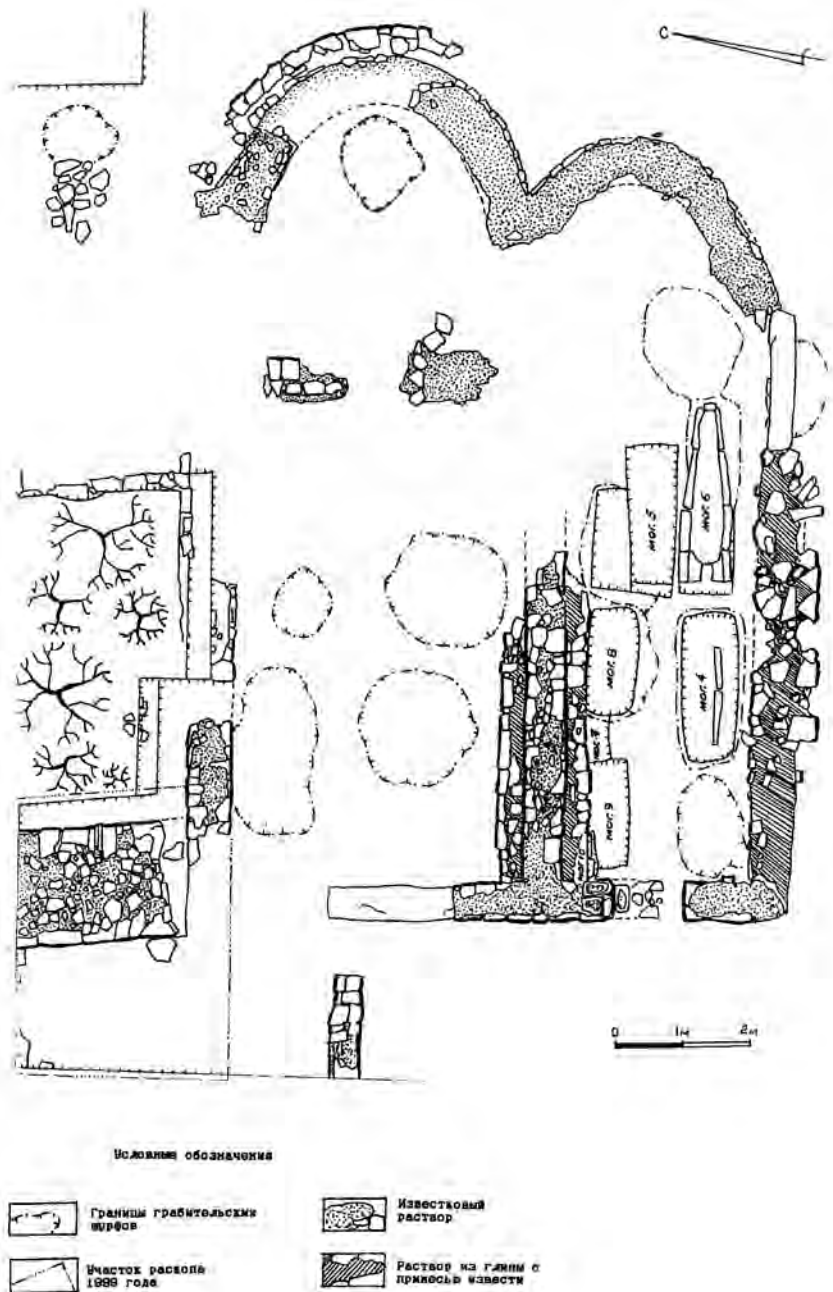

Рис. 12. План монастырского храма у подножия южного склона г. Перчем [Тур, 1999. Табл. 1].

¹³ Если, конечно, сообщение Л.Г. Хрушковой (со ссылкой на недоступную мне работу Pralong A. La basilique de l'acropole d'Amathonte (Chypre) // RivAC. 1994. LXX, 1-2. Fig. 2. P. 423-427) о том, что базилика Амафонты на юге Кипра была «с тремя расположенными на одной линии апсидами, полуциркульными снаружи и полигональными изнутри», не является досадной опечаткой. Сам храм датирован «приблизительно юстиниановской или даже постюстиниановской эпохой» (Хрушкова, 2002, 127). Частичная параллель прослеживается лишь в локальной группе армянских церквей на территории северного Ирана, внутренний абрис алтарного пространства которых в плане имел гранёную форму, но при этом восточная часть строения с внешней стороны была решена традиционно – апсида из плоскости стены основного объёма не выступала [Alpago-Novello, 1978. Fig. 65, 66].

на два смежных помещения – нартекс и наос. Их протяжённость – соответственно, 0,90-1,22 и 2,45 м. В настоящее время данное сооружение представляет собой деформированные остатки кладок разной толщины (северо-западная равна 0,59-0,60 м, юго-восточная – 0,43 м), примыкавших к боковым стенам без перевязки. Между собой оба помещения соединялись проходом шириной не более 0,97 м. Учитывая то, что северо-западная часть перегородки была более массивной, вероятно, она одновременно служила также своеобразным контрфорсом для продольной стены.

В отличие от кладки между нартексом и наосом, которую подстилают седименты первоначального пола,

новая апсида с внутренней стороны поставлена непосредственно на материковую поверхность алтарной площадки.

При восстановлении строения все основные компоненты слоя разрушения храма были применены повторно. После выборки камня из завала, отложения глинистого грунта, ранее скреплявшего конструкцию стены, теперь уже с примесью обломков известковой штукатурки и остеологических останков – основных сигнатов ремонтных преобразований здания, вновь были использованы для приготовления кладочного раствора. Повышенная насыщенность грунта мелкими костями животных, повсеместно заполнявшего пустоты кладки северного откоса проёма западного входа, позволяет предполагать, что при расчистке пола были потревожены и перемещены соответствующие отложения дневной поверхности, оказавшиеся затем в замесе.

Все без исключения продольные кладки здания, как появившиеся в данном строительном периоде, так и предшествующие им, имеют явно выраженные деформации, судя по одинаковым признакам, единовременного происхождения. Северо-западная и средняя стены по всей длине наклонены к юго-востоку (рис. 8-9). Крен в центре составляет 20-25°, ближе к углам – 8-12°. Более того, они сильно искривлены, и сдвинуты по отношению к нижнему ряду камней кладки. Особенно показательна средняя стена, прежде всего, небольшой участок её конструкции протяжённостью 1,65 м, который примыкает к, сохранившему своё первоначальное положение, массивному угловому блоку, и, помимо прочего, ещё немного развёрнут к востоку. Смещение данной кладки относительно продольной оси, возможно, было обусловлено наличием перегородки нартекса, проявившей себя как контрфорс. Последняя, очевидно, удержала на месте и соответствующий участок противоположной боковой стены – южной, обусловив при этом ощутимый сдвиг кладки восточного откоса входа вовнутрь. Учитывая характер деформаций и структуру культурного слоя, разрушение основных конструкций строения, вероятнее всего, было вызвано сильным сейсмическим явлением, предположительно, ялтинским землетрясением рубежа X-XI вв. [Хапаев, 2010, 12-13, 15-16].

Судя по стратиграфии и упразднению прохода между нефами, приведшему к обособлению основного объёма здания, руинированные остатки пристройки во время данной реконструкции не восстанавливались.

В своём первоначальном виде храм представлял собой почти обычное для региона православное культовое строение с отдельными характерными признаками (несколько входов в наос, убранство интерьера, сохранение языческих ритуалов), соотносимыми с традициями северокавказской церковной архитектуры [Пищулина, 2007]¹⁴. Особенности этнического состава паствы,

¹⁴ С чем-то подобным, очевидно, пришлось столкнуться иеромонаху Матфею на рубеже XIV-XV вв., во время его путешествия по Крыму, истолкованное Х.-Ф. Байером следующим образом: «Кажется, что он встретил христиан, соблюдающих

в частности, также могла быть вызвана и, собственно, реконструкция здания, превратившая его в двухапсидное сооружение. Причём, устройство северного входа в раннем храме обуславливалось требованиями литургии и бесспорно предполагало возведение впоследствии специального помещения для жертвенника, а, значит, произошедшие изменения архитектоники, вероятнее всего, были предусмотрены изначально. Позднее, при восстановлении полностью руинированного здания, с упразднением пристройки храм опять стал одноапсидным, отличаясь при этом от исходного варианта меньшим количеством дверей, чётко дифференцированным внутренним пространством и формой алтарного полукожуха.

Другие, подобные, церковные здания с тремя входами в Крыму неизвестны. Одновременное использование двух дверных проемов в малых храмах средневекового Крыма получило распространение лишь в строениях, соотносимых с традициями армянской культовой архитектуры [Якобсон, Таманян, 1992. Рис. 2, 6, 7; Айбабина, Бочаров, 1997, 214. Табл. 3; Кирилко, 2008, 41-43]. В самой Армении наличие двух входов было обычным явлением, причём южный вход нередко считался главным и отделялся богаче западного [Токарский, 1973, 18-19]. На сопредельной территории, в Грузии, устройство двух дверей в церквях обуславливалось необходимостью разделить паству, южный вход предназначался для мужчин, западный же, с проходом через нартекс – для женщин. Соответственно, внутри строения ценз-византийские обряды, и негреков, татар (?), смешивающих их со своими племенными обычаями или языческой религией» [Байер, 2001, 287]. В качестве своеобразной параллели показательны также отношение местных жителей и священнослужителей к церковной службе, как таковой, о котором сообщает о Ламберти в своем описании Колхиды или Мингрелии XVII в. [Описание, 1877, 200-208]. Бесспорным свидетельством того, что в семидворском храме мирно уживались разные религиозные воззрения, является повышенная насыщенность слоя, перекрывавшего пол строения, остеологическим материалом, соотносимого с жертвоприношениями. Аналогичная стратиграфическая ситуация отмечена в одной из христианских церквей Северного Кавказа, располагавшейся на левом берегу р. Ассы, к северу от с. Таргим: «Как показали раскопки, многовековой культурный слой храма по всей площади и глубине был насыщен (особенно по углам здания) костными остатками жертвенных животных. Встречены они и на расчищенном древнем полу-материке. По остеологическим признакам кости принадлежали турам, баранам, быкам и оленям. Эти животные, наиболее почитавшиеся вайнахами с глубокой древности, приносились в дар языческим богествам, пантеон которых, таким образом, не был забыт даже в период активного проникновения новой, христианской религии на территорию Чечено-Ингушетии». Судя по материалам раскопок таргимского строения, представленных предметами вооружения и быта, костными остатками жертвенных животных, христианский храм начала XIII в. со временем был приспособлен вайнахами для отправления языческих обрядов, а позднее, уже как объект полного языческого осмысления и почитания, функционировал, по всей вероятности, ещё в XVII-XVIII вв. [Можухаев, 1987, 181, 183].

тральное пространство храма отводилось мужчинам, западное – женщинам [Чубинашвили, 1978, 8].

Безусловно, северокавказское происхождение имеет и традиция применения в интерьере храма votивных железных крестов [Минаева, 1951, 294. Рис. 22, 8; Крупнов, 1971, 44, 112, 186, 196. Рис. 44; Хрушкова, 2002, 184. Рис. 61]. Подобные находки известны на многих других памятниках полуострова, датируемых обычно VIII-X вв. и соотносимых с территориями, где отмечено присутствие алан, черкесов и лазов. В частности, они представлены материалами раскопок усадьбы на городище Кыз-Кермен [Белый, Назаров, 1992, 141. Рис. 17, 9-11], поселения близ с. Бобровка и базилики Пампук-Каи [Якобсон, 1970, 81, 144-145. Рис. 43, 8; 95, 6, 7], в свою очередь, трактуемой некоторыми исследователями как двухапсидный храм [Лосицкий, 2002, 134; Домбровский, б.д., 2], а также ряда объектов Тепсены и Кордон-Обы [Майко, 2004, 249. Рис. 140].

На основании материалов археологического изучения памятника, дата возведения семидворского храма отнесена ко времени не ранее конца VIII – первой половины IX вв. [Тесленко, 2011, 38].

Храм монастыря у южного подножия г. Перчем (Судак). Храм находится в 1,5 км к северо-западу от городища средневековой Сугдеи на краю естественной площадки одного из отрогов южного склона г. Перчем, входил в состав монастырского комплекса.

Наиболее ранние сведения о памятнике связаны с разведочными работами 1926-1928 гг. экспедиции А.А. Фомина [Виноградов, Джанов, 2004, 404]. В.Г. Тур сообщает, что монастырь найден в 80-х годах, когда во время нивелирования площадки под виноградники трактористами местного совхоза были разрушены плитовые могилы в южной части комплекса [Тур, 2000а, 3]. По мнению В.В. Майко, храм обнаружен в 1993 г. И.А. Барановым и А.В. Джановым [Майко, 2005, 206]. Археологические раскопки строения проводились дважды, И.А. Барановым – в 1993-1994 гг. [Баранов, 1994, 39-42; Баранов, Майко, Джанов, 1997, 38, 41] и В.Г. Туром – в 1999-2000 гг. [Виноградов, 2004, 404; Майко, 2005, 206].

Первый исследователь памятника датировал монастырь VII-IX вв., а сам храм VIII-IX вв. [Баранов, 1994, 39, 40, 42]. В.М. Мордвинцев и И.А. Кисиль время возведения церкви относят ко второй половине VII – началу VIII вв. [2002, 188]. При проведении раскопок 1993 г. был найден фрагмент фрески с остатками строительной надписи. По результатам её изучения А.Ю. Виноградовым и А.В. Джановым сделан вывод о том, что в тексте идёт речь о восстановлении от основания храма (а вероятно, и всего монастыря) в честь великомученика и бессребреника Пантелеймона в XIV в. [Виноградов, Джанов, 2004, 404]. Исходя из крайне малочисленного погребального инвентаря синхронных зданию склепа и могил, датированного в рамках XIII-XIV вв., В.В. Майко счёл возможным к этому же времени отнести и возведение церкви [Майко, 2005, 206].

Рис. 13. Апсиды монастырского храма у подножия южного склона г. Перчем. Вид с юго-востока [Баранов, Майко, 1993].

Вскрытые раскопками кладки повсеместно, за исключением низа апсид, обожжены огнём до жёлто-розового цвета и имеют явные следы перестройки, последовавшей за пожаром, который, очевидно, уничтожил первоначальное сооружение почти полностью. Событие никак не датировано [Виноградов, Джанов, 2004, 404].

Сведения о самом храме, которые получены при его археологическом изучении и в настоящий момент введены в научный оборот, крайне скудны и отрывочны. На опубликованном, весьма схематичном и небрежно выполненном, чертеже он представлен в виде прямоугольного в плане двухнефного здания с двумя полукруглыми апсидами разного диаметра (рис. 11) [Баранов, 1994, 42]. Практически все без исключения исследователи сообщают о значительной величине постройки, используя для этого соответствующие эпитеты – большой храм [Баранов, 1994, 39], доминанта крупного средневекового монастыря [Баранов, Майко, Джанов, 1997, 38], довольно крупное для региона сооружение [Виноградов, Джанов, 2004, 404]. По свидетельству В.М. Мордвинцева и И.А. Кисиль, размеры церкви по внешнему обводу составляли 13,50×9,25 м [2002, 188]. А.Ю. Виноградов и А.В. Джанов сообщают лишь о том, что длина строения была более 14 м [Виноградов, Джанов, 2005, 404]. И.А. Баранов приводит основные метрические данные о внутреннем пространстве сооружения: «длина северного большого нефа 13,5 м при ширине 8 м (33,8 м²), южного – 12 м при ширине 3,3 м». Кладка в центральном нефе, расположенная поперечно на расстоянии 8 м от западной стены, им интерпретирована как остатки алтарной преграды. По утверждению исследователя, она имела одинаковую со стенами нефа толщину – 0,8 м [Баранов, 1994, 39-41]¹⁵.

¹⁵ Введённые в научный оборот данные существенно отличаются от информации, представленной в соответствующем отчёте о раскопках. В частности, в результате археологического изучения памятника исследователями установлено, что расстояние от алтарной преграды до западной стены равно 7,10 м, а толщина её кладки составляла от 0,70 м в южной части до 0,55 м с северной стороны. Другие размеры и характерные черты здания, которые были отмечены во время раскопок, но остались неопубликованными: расстояние между плечами храма – 9,45 м, просвет прохода в алтарной преграде – 0,65 м;

Исключительно ценными, прежде всего, в хронологическом плане являются наблюдения И.А. Баранова о некоторых характерных особенностях храма. Он сообщает: «Впервые в Крыму отмечен прием безфундаментного строительства крупной общественной постройки. Вместо обычной траншеи фундамента строители сделали толстую (до 10 см)¹⁶ заливку под основание кладки, являющуюся субструкцией. Такой прием строительства мы отмечали лишь в Болгарии» (рис. 13). По утверждению исследователя, центральный неф имел внутри два пилястра, на которые опиралась подпружная арка¹⁷. Стены церкви сложены из блоков белого мелкозернистого известняка на хорошем известковом растворе с наполнителем из крупного песка [Баранов, 1994, 39-40]¹⁸.

сохранившаяся южная стена бокового нефа строения определена как позднейшая, имела толщину 0,45-0,50 м; с северной стороны главного нефа выявлено два входа шириной 0,70 м, а в его юго-западном углу, вероятно, находилась небольшая лестница, сохранившаяся на высоту 0,25 м; южная и западная стены основного объёма здания сложены в одинаковой технике; толщина стены между нефами – 0,60-0,65 м; на двух местах строения, при возведении западной (приблизительно на оси северного пролёта) и южной стен (у апсиды), в основании конструкции уложены крупные сланцевые плиты, предположительно, формировавшие дверные проёмы; с внешней стороны главной апсиды имеется циркулярная кладка высотой 0,25 м, игравшая, по мнению исследователей, роль подпорной стены; в северной части боковой апсиды зачищено «основание-базис круглой колонны, находящейся, видимо, не на своём месте» [Баранов, Майко, 1994, 27-29; Тур, 2000а, б]. Позднее, при исследовании памятника, было установлено, что боковой неф имел также отдельный вход с запада, просвет которого равен 1 м (рис. 12). Раскопками удалось выявить и остатки, возможно, первоначальной южной стены здания. Её кладка сохранилась фрагментарно на уровне фундаментов, выполнена из дикого камня местных сланцевых пород на известковом растворе. Толщина конструкции – 1 м [Тур, 2000а, б. Табл. 1, 4а].

¹⁶ Согласно отчёту о раскопках её толщина составляла 0,05-0,08 м [Баранов, Майко, 1995, 29].

¹⁷ Согласно отчёту о раскопках сохранилась всего одна из лапчаток – южная, которая интерпретирована исследователями как «прямоугольный выступ от колонны». Она расположена в 3,20 м от западной стены наоса и имела ширину 0,70 м. В соответствии с масштабом обмерного чертежа её толщина составляла около 0,35 м [Баранов, Майко, 1994, 28].

¹⁸ В отчёте о раскопках в качестве основного строительного камня лицевых слоёв кладки стен упоминаются исключительно пыльные блоки капсельского ракушечника, а наряду с указанным раствором, который повсеместно применён в субструкции, отмечается также состав с наполнителем из мелкодроблёной керамики, использовавшийся при возведении южной стены главного нефа, «дающей основание реконструировать особенности кладки всего памятника». Более поздние по времени части здания, как то, его южная стена сложены из мелких и средних сланцевых камней на грязи [Баранов, Майко, 1984, 27-29]. Согласно наблюдением В.Г. Тура, при заливке основания апсид использовался известковый раствор с мелким щебнем [Тур, 2000а, 3]. Что касается блоков известняка, то они, да и то исключительно в качестве находок из слоя разрушения храма, в отчёте исследователями упоминаются лишь однажды, при крайне поверхностном описании резуль-

И.А. Баранов, интерпретируя обнаруженные раскопками части здания как центральный и южный нефы, тем самым допускает вероятность существование ещё одного пролёта – северного, но отмечает, что следов того не выявлено [Баранов, 1994, 40]. Видимо, данное обстоятельство обусловило то, что в отчёте об археологическом изучении памятника строение исследователями однозначно определено как двухапсидный двухнефный храм [Баранов, Майко, 1994, 27]. Хотя при этом, ими оставлено без должного объяснения наличие двух одинаковых и равномерно расположенных проёмов шириной 0,70 м в северной стене [Баранов, Майко, 1994, 28], видимо, обеспечивавших сообщение основного объёма наоса с соседним помещением, каковым вполне мог быть второй боковой неф, а, следовательно, тогда само здание являлось базиликой. По мнению отдельных исследователей, строение имело обширный нартекс [Виноградов, Джанов, 2004, 404], точные размеры и форма которого раскопками не установлены.

Церковь была крыта черепицей с использованием красноглиняных керамид и калиптеров. В заполнении развала здания найдено много обломков и целых профилированных карнизов разных типов, части колонн, замковые камни и прочие резные детали, на полу храма собрано значительное количество фрагментов полихромных фресок. Согласно выводам И.А. Баранова, росписи синхронны строительству храма и могут быть датированы VIII-IX вв. [Баранов, 1994, 40]. Обломок фрески с остатками надписи XIII-XIV вв. был найден рядом с входом в храм и, судя по форме основы, до обрушения обрамлял слева какой-то, вероятнее всего, дверной, проём [Виноградов, Джанов, 2004, 402, 403]. В южном нефу, где зафиксированы следы наиболее интенсивного пожара, отмечено два уровня полов из утрамбованной извести [Виноградов, Джанов, 2004, 404]¹⁹.

На основании деталей литургического характера А.Ю. Виноградов и А.В. Джанов считают возможным отнести весь комплекс к обычному типу поздневизантийских монастырей, находившихся под патронатом частных лиц. По их мнению, южный неф храма, имевший отдельный каменный алтарь, играл роль параклиса и использовался для погребения и заупокойных служб [Виноградов, Джанов, 2004, 404-405].

В сравнении с введёнными в научный оборот мате-

тагов раскопок 1994 г., уместившемся в пределах двух третей стандартной страницы [Баранов, Майко, 1995, 24].

¹⁹ К сожалению, о данном пожаре, равно как и упомянутых полах в самом отчёте об археологическом изучении храма не сказано ни слова. Соотносимые с ним отложения весьма схематично и, очевидно, не совсем точно представлены лишь на стратиграфиях бортов раскопа северо-западной части строения [Баранов, Майко, 1994, 27-33]. Позднее, при исследовании южного компартимента храма на уровне нижнего пола (на поверхности материкового грунта) найдены обломки сосудов XIV-XV вв. и фрагменты штукатурки с остатками фресковой росписи, выполненной красками жёлтых, красных, коричневых и тёмно-синих тонов, причём информация о каком-либо пожаре отсутствует [Тур, 2000а, б. Табл. 1, 4а].

риалами раскопок храма, не намного информативнее, к сожалению, оказались и, собственно, сами отчёты об его археологических исследованиях. Помимо упомянутых ранее противоречий в представлении метрических характеристик, по сути, невыясненными остались также время возведения и архитектура здания²⁰. Целостному восприятию памятника в значительной мере препятствует отсутствие каких-либо сведений о скрытых культурным слоем остатках северной части комплекса, которая вообще не изучалась. В этой связи достаточно важным является наблюдение В.Г. Тура, единственного из всех исследователей отметившего существенный деструктивный фактор, влияющий на сохранность памятника – постоянное размывание грунта со стороны глубокого оврага, на самом краю которого находится храм [Тур, 2000а, 12].

Основной причиной двухапсидности церкви, первоначально представлявшей собой, вероятнее всего, т.н. типовую базилику IX-X вв. [Адаксина, Кирилко, Мыц, 1999, 23], на мой взгляд, является именно обрушение склона, верхняя кромка которого в настоящий момент с северо-востока примыкает по касательной к алтарному полукругу главного нефа. Учитывая то, что кладки этой части здания были безфундаментными, утрата северной апсиды, расположенной вблизи обрыва, вполне могла не оставить никаких следов от сооружения на поверхности земли.

Большая базилика Мангуна. Храм находится в центральной части столицы Феодоро, рядом с крепостной стеной внутренней линии обороны города.

Несмотря на почти полную археологическую исследованность, памятник до сих пор во многом дискуссионный. Основные споры специалистов вызывают время возведения базилики и её строительная периодизация. Наиболее аргументированной является ранняя дата храма. Она подтверждается не столько материалами археологического изучения церкви [Бармина, 2005, 315-316], но, прежде всего, стилистическими и конструктивными особенностями сооружения, имеющими близкие аналогии в раннесредневековом культовом строительстве [Якобсон, 1940, 214-216; Тиханова, 1953, 387]. Архитектура базилики и полученные в результате раскопок многочисленные элементы разнообразного архитектурного декора позволяют выделить три явно выраженных строительных периода, отмеченных существенными изменениями объёмно-плановой структуры и декоративного убранства, в полной мере отразивших сложный процесс становления и развития традиций ви-

зантийского зодчества на Мангупе. В сопоставлении с историческими условиями, в которых складывалась архитектурная среда города, они могут быть датированы, соответственно, VI – началом VII вв., рубежом IX-X вв. и первой половиной XV в. [Кирилко, 1997, 92-95].

Первоначальный храм представлял собой большое прямоугольное в плане здание классического базиликального типа со стропильным перекрытием (рис. 14). Его размеры: общая длина – 30,6 м, ширина – 19 м, толщина стен – около 0,9 м. Магнитный азимут – 51°. Строение было трёхнефным, одноапсидным, с нартексом. Западный вход, расположенный на центральной оси храма – главный. Имелись также второстепенные дверные проёмы – в южном и, предположительно, в несохранившемся северном фасадах. Деление внутреннего пространства базилики на нефы выполнено двумя шестиколонными аркадами. Подобно наосу нартекс также состоит из трёх частей, каждая из которых имела самостоятельный вход в соответствующий пролёт основного объёма здания. Центральный неф с восточной стороны завершался большой полукруглой внутри и трёхгранной снаружи апсидой. Здание сложено из крупных, тщательно обработанных и плотно пригнанных блоков известняка на прочном известковом растворе. Фасады массивные, нерасчленённые, декора, видимо, почти не имели. Основное убранство раннесредневековой базилики сосредоточено внутри строения. Важнейшим архитектурно-конструктивным элементом её интерьера были декоративные мраморы проконнесского происхождения, фрески, а также мозаичные покрытия, композиция которых обычна для византийской архитектурной пластики и монументальной орнаментики VI-XII вв., что, наряду с архитектурной конструкцией, находит самые близкие параллели в одновременных храмах соседнего Херсона.

Вторая апсида базилики, завершавшая южный неф, была выявлена раскопками Р.Х. Лепера в 1912-1913 гг. Она представляла собой двухлицевую трёхслойную кладку из тщательно обработанных блоков известняка средней величины, явно вторичную по отношению к конструкции восточной стены. О самом сооружении исследователь сообщает: «Малая южная апсида (δ) сохранилась сравнительно хорошо выше человеческого роста. Ее преграда из гладких каменных плит с двумя восьмигранными же колонками, которые наверху посредством углов, обделанных в виде сталактитов (как турецкие колонны), переходят в четырехгранные капители. Колонки совершенно свежие, капители сохранили следы красной краски. На одной из них густой красной же краской написано, по видимому, Ἰω(άννης) ἐτελεύθη (= ἐτελεύθηθη)» [Лепер, 1913, 149]. Когда точно в южном нефе появилась вторая апсида базилики, раскопками не установлено.

Сам Р.Х. Лепер предполагал, что строение было трёхапсидным [1913, 148]. Подобного мнения придерживался и А.Л. Якобсон, считавший, что северо-восточная часть здания вся переложена в XIV или начале XV в., а

²⁰ Сначала датировка комплекса осталась открытой и подлежала уточнению после дальнейших исследований [Баранов, Майко, 1995, 24]. Новые раскопки, прежде всего, керамический материал и золотоордынская монета из погребения № 8 подтвердили лишь существование храма в XIV-XV вв. [Тур, 2000а, 9, 12; 2000б, 8]. Слои, связанный со временем конца функционирования и разрушения церковного здания, датирован XIV-XV вв., находки представлены характерной керамикой – фрагментами тарелок и мисок с поливой зеленого, жёлтого и коричневого тонов [Тур, 2000б, 3-4].

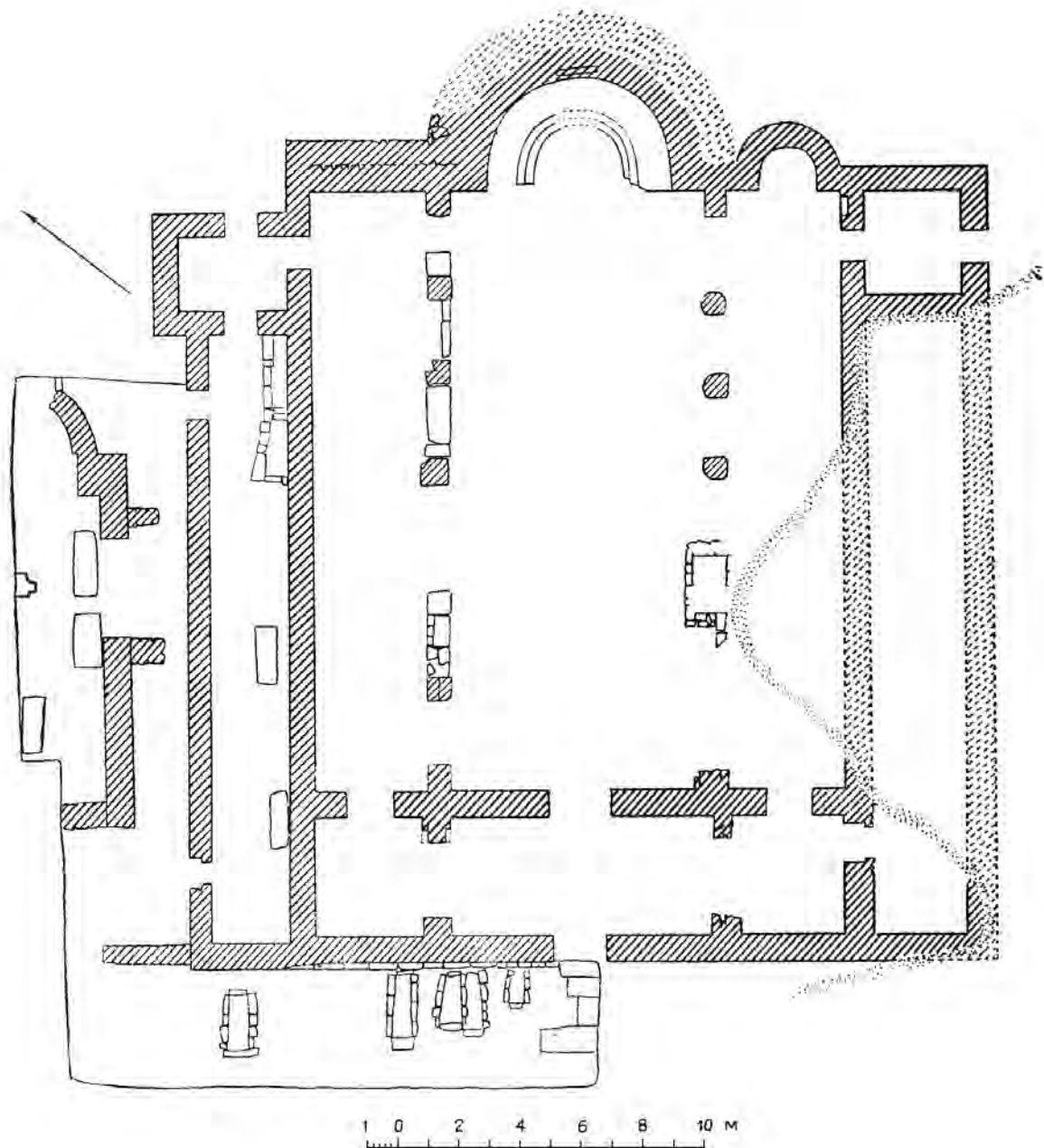

Рис. 14. Большая базилика Мангупа [Якобсон, 1940. Рис. 1].

первоначально, возможно, апсиды были в обоих боковых неффах базилики [Якобсон, 1959, 196].

Все известные в настоящее время варианты дат второго алтарного полукружия обусловлены исключительно контекстом той или иной версии хронологической концепции строительной периодизации церкви – в этом плане показательны выводы автора многолетних раскопок базилики Н.И. Барминой. На начальном этапе изучения храма появление южной апсиды она относит к X в. [Бармина, Шилюк, 1978, 296]. Позднее, пытаясь определить историческое место данного памятника в христианской архитектуре Таврики, Н.И. Бармина выделяет второй строительный период базилики, датируемый XIII-XV вв. По её мнению, именно в это время

«меняется архитектура всего комплекса», в частности, сооружается алтарное полукружие южного нефа. Саму апсиду она считает спolieй, которая, возможно, была перенесена из расположенного неподалеку другого храма (объекта «В») конца VIII – начала IX вв., упразднённого с ремонтом базилики [Бармина, 1983, 17, 18-19, 21]²¹. На нынешней стадии исследования памятника появление второй апсиды она трактует как «определённые изменения в облике базилики», произошедшие уже после захвата Мангупа турками в 1475 г. Более того, само сооружение, перенесённое сюда из северо-восточного храма «В», по её утверждению, при этом «украшает-

²¹ По уточнённым данным храм был возведен не ранее начала IX в. [См., Бармина, 2005, 316].

ся архитектурными деталями, выполненными в новом стиле» [Бармина, 2004, 263; 2005, 317]. Закономерным результатом изначально хаотичных метаний, обусловленных низким уровнем изучения объекта, стала окончательная версия, недавно введённая в научный оборот Н.И. Барминой: «Уже после взятия Мангупа турками в 1475 г. предпринимается частичная реконструкция южного нефа храма. Именно сюда захватчики перенесли апсиду северо-восточного храма в качестве михраба мечети, украсили его новым декоративным оформлением в виде восточных сталактитов» [Бармина, 2007, 226-227, 228]. Абсурдность данного вывода очевидна, хотя бы потому, что вторая апсида базилики находится на продольной оси бокового нефа с северо-восточной стороны строения и, разумеется, никак не может указывать направление на Каабу.

На мой взгляд, учитывая отсутствие чётких археологических критериев и сведений других источников, для выяснения даты последнего обновления базилики определяющее значение приобретает стилевое тождество основных архитектурно-декоративных элементов, использовавшихся при этом – восьмигранных колонн аркад наоса, богато орнаментированного резного наличника бокового входа и южной апсиды с алтарной преградой, которые являются характерными для строительной культуры Мангупа второй четверти XV в., но никак не османского времени. Хронологически они соотносимы с архитектурными формами и убранством расположенного неподалеку дворца Алексея, возведённого в 1427 г. [Кирилко, 2005, 260-272].

В этой связи необходимо отметить, что, к сожалению, в целом относительно невысокое качество археологических раскопок базилики (до сих пор не опубликовано ни одной стратиграфии) на данном этапе исследований не позволяет точно установить, насколько одновременны

ми были последняя реконструкция здания и обрамление южного входа наличником. Пока более или менее обоснованно можно предполагать лишь взаимосвязь между появлением изысканного декора проёма и размещением в южном нефе придела, очевидно обусловившего необходимость определённого обособления этой части внутреннего пространства базилики. Превращение церковного строения с традиционной архитектуроникой в двухапсидный (по сути, неканонический) храм свидетельствует о произошедшем дифференцировании литургического обряда, что вполне могло стать причиной обустройства самостоятельных входов и, как следствие, соответствующего их оформления.

Пристройка к основному объёму здания ещё одной (второй) апсиды, вероятнее всего, была вызвана необходимостью выделения внутри базилики специального компартимента для совершения заупокойных церемоний. О возможном, подобном, назначении дополнительного алтаря косвенно свидетельствует сообщение Р.Х. Лепера, в той части, где приведена поминальная надпись красной краской на одной из колонок преграды [Лепер, 1913, 149]. В этой связи весьма любопытным представляется мнение А.Л. Бертье-Делагарда, который не преминул отметить явную неординарность архитектоники базилики, довольно точно, пусть, и предположительно обозначив её суть: «Можно было бы подумать, что в этой апсиде сделали церковный придел с особым алтарем, а это было бы не без интереса, так как нигде ничего подобного в Крыму еще не находилось; везде в церквях только по одному престолу, в древнейших и в позднейших» [Бертье-Делагард, 1918, 41].

Базилика у подножия Мангупа. Храм находится в верховье балки Каралез-Дере на территории ранне-средневекового поселения. Остатки строения выявлены случайно при сооружении водохранилища в 1984 г.,

Рис. 15. Базилика в Каралез-Дере у подножия Мангупа. Общий вид с северо-востока. Фото автора. 1986 г.

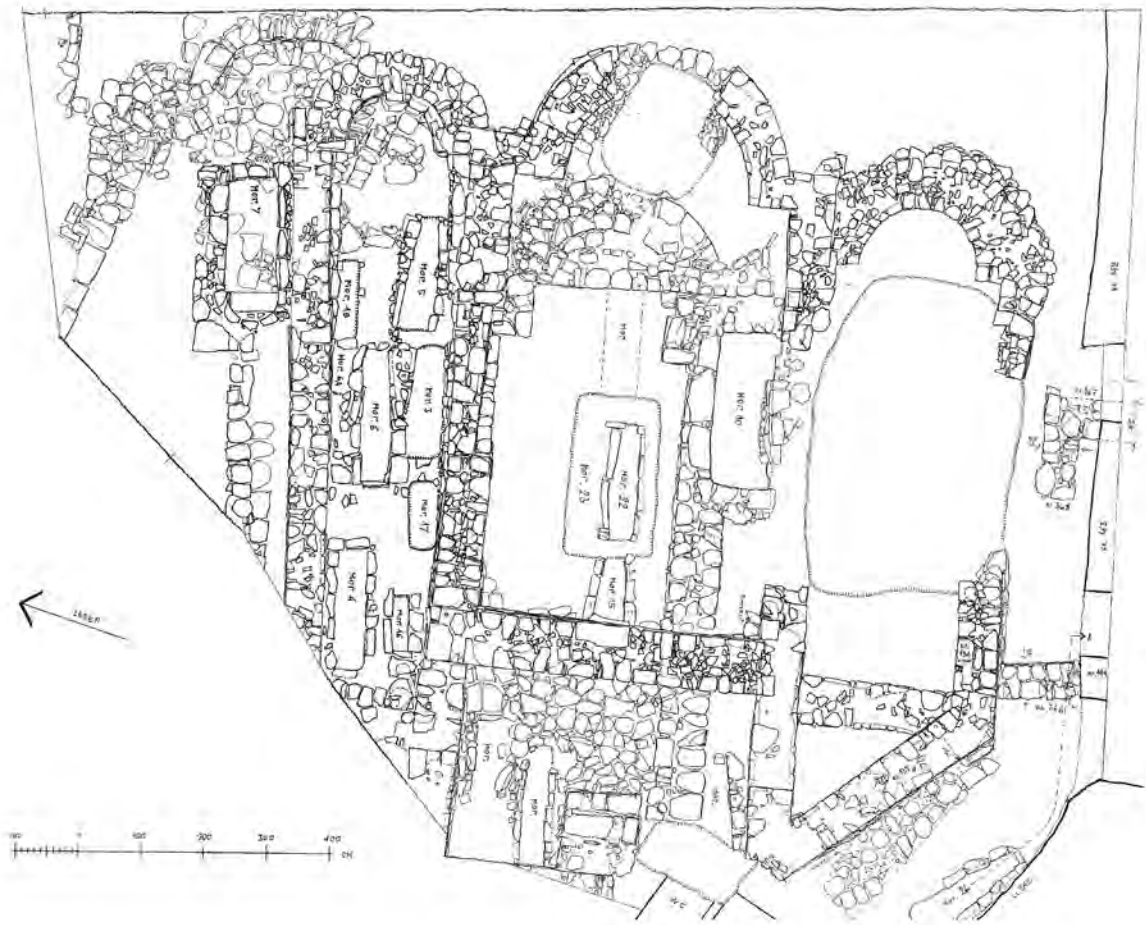

Рис. 16. План базилики в цитадели средневековой Алушты. Обмер 1987-1992 гг.

после чего В.А. Сидоренко были проведены охранные раскопки. Исследователем церковь определена как трёхнефная базилика VII-X вв., отмечено также наличие «более поздних культовых построек, возводившихся на ее фундаментах» [Сидоренко, 1991, 114], одна из которых была двухапсидной и имела размеры $12,75 \times 8,90$ м (рис. 15). Материалы археологического изучения памятника до сих пор в научный оборот не введены.

Двухапсидная церковь Лусты (Алуштинская базилика). Храм находится на территории средневековой крепости XIV-XV вв. Он расположен внутри цитадели, у самой оборонительной стены, ограждавшей напольную сторону укрепления.

Остатки церкви обнаружены случайно в 1987 г. при производстве земляных работ, затем в течение нескольких полевых сезонов они почти полностью были исследованы археологической экспедицией под руководством В.Л. Мыца. Материалы раскопок храма опубликованы частично. Раритетной является находка фрагментов плиты из плотного розоватого песчаника с пятистрочной греческой надписью, «Моление раба божьего Георгия; аминь. Года 6912» [Соломоник, 1991, 172-174. Рис. 1]. Судя по остаткам раствора на краях изделия, оно некогда было вмуровано в стену какой-то постройки. Э.И. Соломоник считает, что дата лапидарного источника определяет время раскопанного комплекса

и, скорее всего, относится к году сооружения открытой там церкви, которая погибла в пожаре XV в. [Соломоник, 1991, 173]. По мнению В.Л. Мыца, сославшегося на исследования эпитафиста, надпись свидетельствует о строительстве (восстановлении) в 1404 г. неким Георгием трёхапсидного базиликального храма [Мыц, 2002, 171; 2009, 345. Рис. 222, 223]²². На плане крепости, использованном И.Б. Тесленко для обозначения мест производства керамики, данное сооружение впервые представлено в виде двухапсидной церкви [Тесленко, 2005. Рис. 1], прежде на подобных чертежах его обычно изображали как трёхнефную базилику [Мыц, 1992, 176. Рис. 3; 2000. Рис. 1].

Раскопками было выявлено, по меньшей мере, остатки пяти разновременных храмов, по очереди сменивших друг друга, которые отличались между собой также размерами и архитектурной конструкцией (рис. 16-17). Двухапсидный храм относится к последнему этапу существования комплекса. Он возведён на руинах предшествовавшей ему базилики, плановая схема и кладки которой рации-

²² Введённая при этом в научный оборот графическая реконструкция плана постройки 1404 г., западная часть которой представлена в виде симметрично развёрнутых относительно продольной оси здания передних стен боковых нефов, маловероятна, ибо предполагает совершенно неконструктивное решение внешних углов нартекса.

нально используются в новом строении [Мыц, 1988, 13-26; 1990, 10-16; Мыц, Адаксина, Кирилко, 1993, 32-36. Рис. 2].

Размещаясь над главным и почти полностью разрушенным южным нефами базилики, двухапсидный храм сохраняет прежнюю ширину пролётов и начертание центрального алтарного полукружия. Утраченная южная апсида заменена новой. Та же участь постигла и внешнюю продольную стену бокового нефа. Западная часть строения, которая пока ещё не раскопана, на данном этапе исследований восстанавливается предположительно. Передняя и продольная стены южного нефа, ограждая на повороте одну из сторон улицы, между собой развёрнуты под углом 135°. Невыразительные остатки какой-то кладки, подобным образом скошенной – практически симметрично, частично сохранились также и над северным пролётом. Основной объём здания по отношению к остальным составляющим западного фасада мог немного выступать вперёд.

Приспособление центрального нефа базилики под новое строение сопровождалось перепланировкой. Ограждавшие его с боков внутренние стены здания до ремонта имели по паре больших проёмов с широким простенком, посредством которых сообщались между собой отдельные компартименты храма. Во время реконструкции восточные из них подверглись частичной закладке. По отношению к внешней поверхности стены они замурованы заподлицо. Со стороны наоса заполнение проёмов, по крайней мере, одного – того, что сохранился на момент исследований, немного заступает вовнутрь и образует нишу глубиной 0,20-0,30 м.

Внутреннее пространство центрального нефа базилики поперечно перегородила капитальная стена, разделившая его на две неравные части – собственно, наос и притвор нового храма. По краям она плотно, без перевязки кладок, примыкает к западным торцам обоих простенков между проходами аркад. Сами проёмы при этом сохранили свою функцию, но уменьшились в размерах – стали уже и, возможно, ниже.

После реконструкции здание храма в плане приобрело сложную полигональную форму в виде прямоугольника со скошенным на всю ширину меньшего пролёта юго-западным углом, предположительно, небольшим

ризалитом нартекса спереди и двумя выступавшими наружу алтарными полукружиями с восточной стороны. Вероятнее всего, нефы между собой не сообщались. Нижняя часть южной апсиды заглублена в отложения культурного слоя и конструктивно представляет собой облицовку борта строительного котлована. Её

Рис. 17. Базилика в цитадели средневековой Алушты. Общий вид с северо-востока [Мыц, 1987. Рис. 19].

внутренняя поверхность была украшена полихромной росписью. Престол придела был массивным каменным – сложен из бута, почти наполовину глубины заполнял алтарное полукружие, частично заслоняя собой фреску.

Двухапсидный храм мог иметь два входа, в передней и боковой стенах нартекса. В качестве первого (не сохранился), предположительно, был использован дверной проём предшествующей постройки, расположенный в западной стене центрального нефа базилики. Под второй, который вёл с севера, приспособлен один из проходов в упразднённой аркаде, ранее разделявшей между собой пролёты. Напротив их, внутри притвора, располагались входы в соответствующие нефы.

Общие габариты здания: ширина – 9,10 м, длина – 14,00 м. Вынос апсид: главной (центральной) – 1,70 м, боковой – 1,20 м. Толщина: стен – 0,70-0,88 м. Азимут – 74°. Внутренние размеры: нартекса – 3,10×4,70 м, наоса – 6,90×4,50 м, придела – 6,80(8,90)×2,45(2,60) м. Ширина и глубина алтарных полукружий: северного – 2,96 и 1,60 м, южного – 1,85 и 1,00 м. Просвет боковых входов в нартекс и южный неф – 1,40 и 1,50 м.

Характерными особенностями архитектуры двухапсидного храма Лусты являются слабовыраженная крестообразность плана наоса, возникшая вследствие

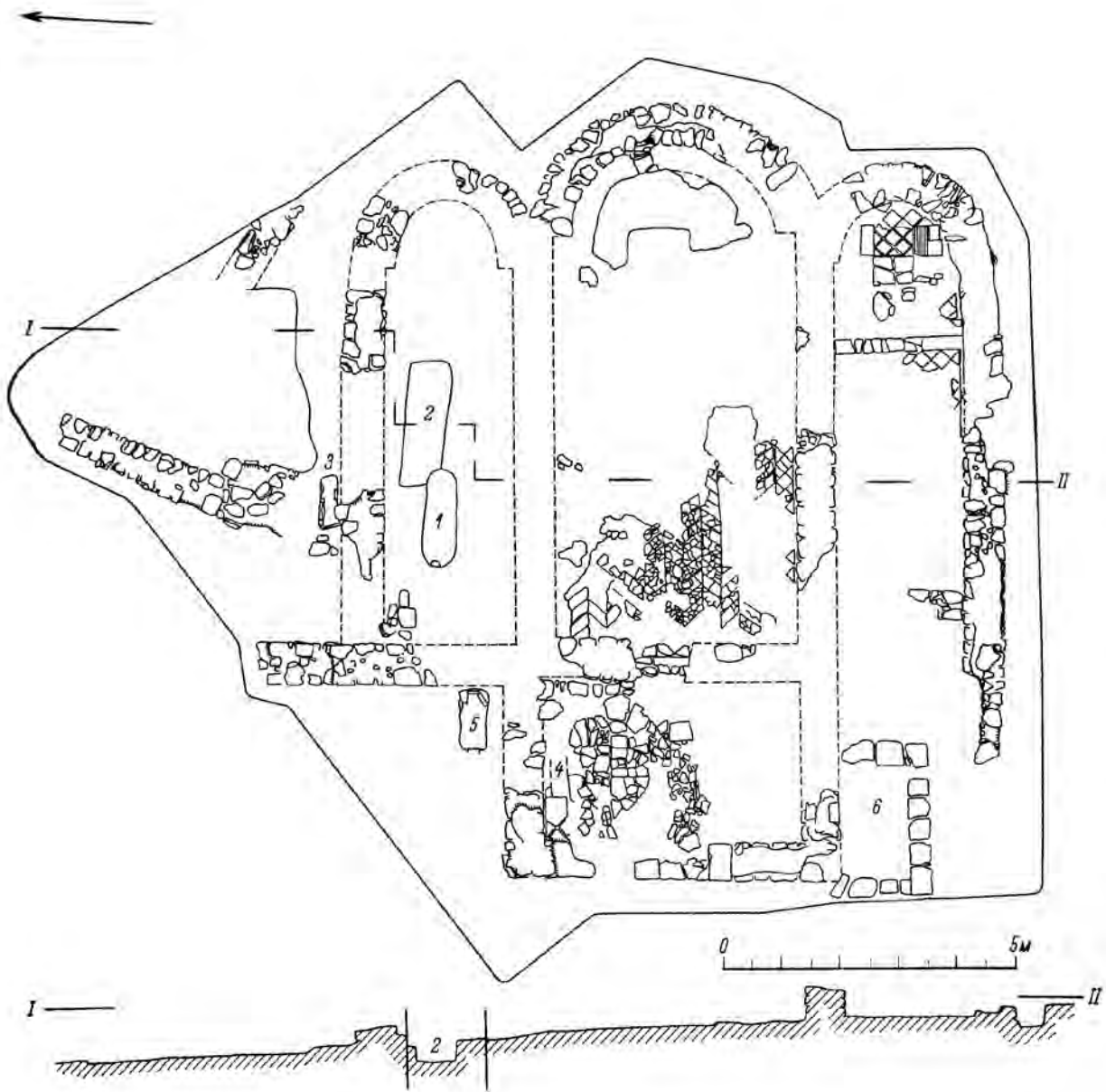

Рис. 18. План и поперечное сечение храма Пампук-Кай [Якобсон, 1970. Рис. 70: А].

превращения проёмов аркад в ниши, и частично заглублённая в грунт меньшая апсида, что в определённой мере придавало боковому нефу свойства крипты.

Храм Пампук-Кай. Церковь находится внутри крепости, на самой вершине возвышенности Пампук-Кая, расположенной у р. Бельбек.

Храм был раскопан А.Л. Якобсоном в 1961 г. Он сохранился в сильно руинированном виде со значительными утратами первоначального облика (рис. 18-19). Исследователь считает, что церковь представляла собой небольшую трёхнефную базиличную постройку упрощённого провинциального облика с тремя апсидами и нартексом. Здание отличалось усложнённой конфигурацией плана и несколько необычной архитектурикой. По утверждению А.Л. Якобсона, основной пролёт наоса отделён от южного компартамента сплошной стеной,

тогда как с северной стороны он, по-видимому, имел аркаду с двумя промежуточными опорами. Им отмечена ещё одна характерная черта храма – нартекс равен по ширине центральному нефу, что придавало плановой схеме здания некоторую крестообразность. Общие размеры базилики (без притвора) – 11,40×10,45 м [Якобсон, 1964, 65-72; 1970, 121-125].

Чем руководствовались Ю.Г. Лосицкий и О.И. Домбровский, высказывая предположение о двухапсидности данного храма, неизвестно [Лосицкий, 2002, 134; Домбровский, б.д., 2]. Причиной этому, очевидно, является вывод А.Л. Якобсона о дифференцировании внутреннего пространства здания, северный и центральный нефы которого образовывали двухпролётный наос, а южный был превращен в самостоятельное помещение, своего рода придел.

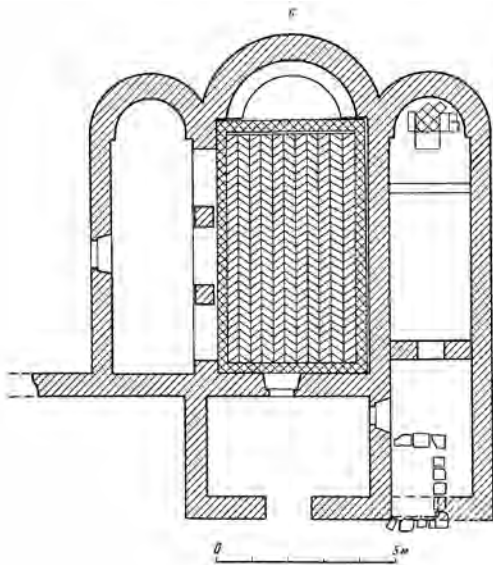

Рис. 19. Реконструкция плана храма Пампук-Каи [Якобсон, 1970. Рис. 70: Б].

Учитывая то, что само здание сохранилось крайне плохо – местами уцелели лишь фрагменты стен, части узорчатой вымостки пола и обломки резных капителей, даже мало-мальски веских оснований для подобного утверждения пока нет. Отсутствует также анализ кладок, который позволил бы установить последовательность их появления и возможные перестройки. С другой стороны, абсолютно одинаковая форма боковых апсид, имевших снаружи плавное сопряжение (без заплечиков) с внешними продольными стенами, в определённой мере предполагает их одновременность, а следовательно, изначальную трёхапсидность здания.

Композицию основного ядра базилики Пампук-Каи в виде двух коротких нефов, разделённых столпами, сам А.Л. Якобсон соотносит с каппадокийскими пещерными храмами и двухцерковными храмами западных областей Грузии. Последняя параллель небезосновательна, поскольку при раскопках базилики Пампук-Каи (в южной галерее) были найдены два железных креста, характерные как раз для северокавказского региона и аналогии которым выявлены в Абхазии вместе с находками XI-XII вв. [Якобсон, 1970, 132, 144-145. Рис. 95, б, 7]. Более того, позднее, при археологическом изучении одного из жилищ Пампук-Каи, построенного после тотального пожара XIII в., В.Л. Мыцом получен комплекс керамических сосудов и глиняный штамп с солярным знаком XIV-XV вв., ближайšie аналогии которым известны на территории Северного Кавказа. Данные находки позволили исследователю убедительно обосновать вывод о том, что в это время в междуречье Качи и Бельбека, среднее течение которого ещё совсем недавно называлось Хабарда (Кабарта, Кабарда), а сама местность – Черкестюс, могли компактно проживать черкесы [Мыц, 1991, 81-82].

Точная дата возведения базилики раскопками не установлена. Высказывая определённое сомнение в ве-

роятности раннесредневекового её происхождения, тем не менее, А.Л. Якобсон не исключает того, что первоначальный храм появился ещё VI-VII вв., но затем в VIII или IX в. был перестроен. При этом он считает его синхронным Партенитской базилике, традиционно датируемой концом VIII в., и отмечает их подобие [Якобсон, 1970, 125]. В настоящее время археологическими исследованиями выяснено, что храм свв. апостолов Петра и Павла в Партените был возведён не ранее X в. [Адаксина, Кирилко, Мыц, 1999, 24], а, значит, тогда же, следуя образцу либо архитектурной моде, вполне могла быть построена и церковь Пампук-Каи.

Базилика у с. Гончарное. Храм находится на территории относительно большого раннесредневекового поселения близ с. Гончарного. Он был раскопан А.Л. Якобсоном в 1963-1964 гг. [Якобсон, 1970, 125-132].

Церковь представляет собой трёхнефную базилику без нартекса с тремя полукруглыми апсидами – сильно выступавшей наружу большой средней и расположенными несколько асимметрично маленькими боковыми, разной величины и конфигурации (рис. 20). Во втором строительном периоде она была превращена в часовню – однефный прямоугольный в плане храм, который разместили внутри центрального пролёта. Первоначальное здание имело, по меньшей мере, два входа – с западной и северной сторон, на продольной и поперечной осях базилики. По утверждению А.Л. Якобсона, кладка всех частей строения относительно одинаковая. Стены сложены из крупных плит на глине, большей частью выдержанными рядами. Их внутренние поверхности были оштукатурены и покрыты росписью. Пол глинобитный. Кровля была черепичной. Общие размеры храма: длина – 13,60 м, ширина – 11,50 м, толщина стен – 0,70-0,80 м [Якобсон, 1970, 125-132].

Версию о двухапсидности базилики близ с. Гончарного обозначил, да и то вскользь, пока один лишь О.И. Домбровский, интерпретировав её, однако, как «не однажды высказывавшееся мнение», сетуя при этом, что данное предположение уже нельзя проверить спустя много лет после раскопок [Домбровский, б.д., 2]. Причина появления подобного вывода, возможно, та же, что имела место при изучении им базилики Пампук-Каи – найденные А.Л. Якобсоном параллели в культовой архитектуре Каппадокии и Кавказа. Тем более, что оба эти храма тот считает возможным рассматривать вместе, как единую группу, отмечая их композиционную и хронологическую близость [Якобсон, 1970, 132].

В любом случае, веских оснований для того, чтобы трактовать данный храм как двухапсидный, в настоящее время пока нет.

Северная базилика Херсонеса. Храм находится на северном краю города, у самого моря. Вследствие абразии берега значительная часть строения утрачена. Базилика была выявлена в 1878 г., исследовалась в 1891-1893, 1896 и 1981 гг. [Айналов, 1905, 27-29; Якобсон, 1959, 168; Романчук, 2000, 67-68, 225].

Первоначальный храм представлял собой большое

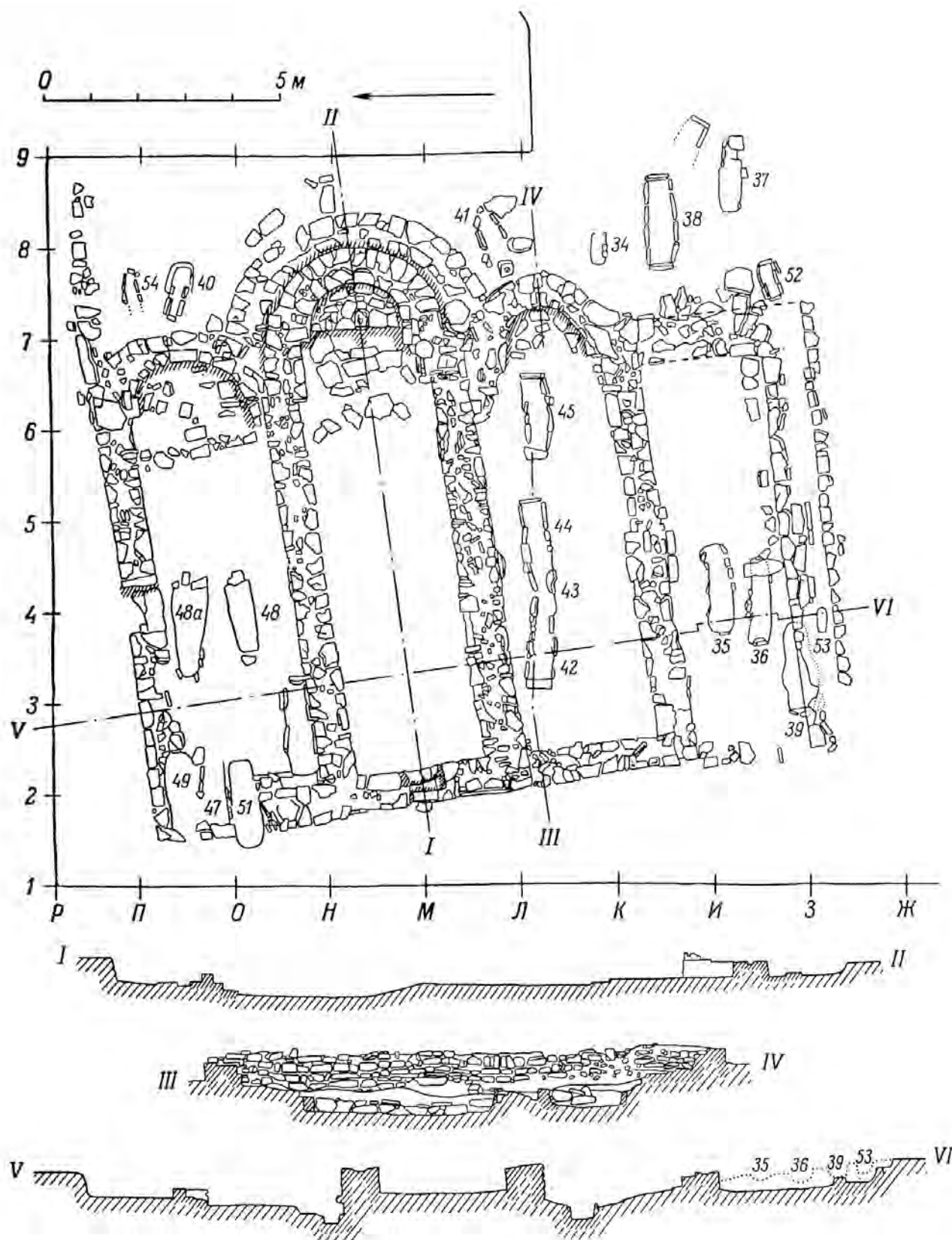

Рис. 20. План и разрезы базилики в с. Гончарное [Якобсон, 1970. Рис. 80].

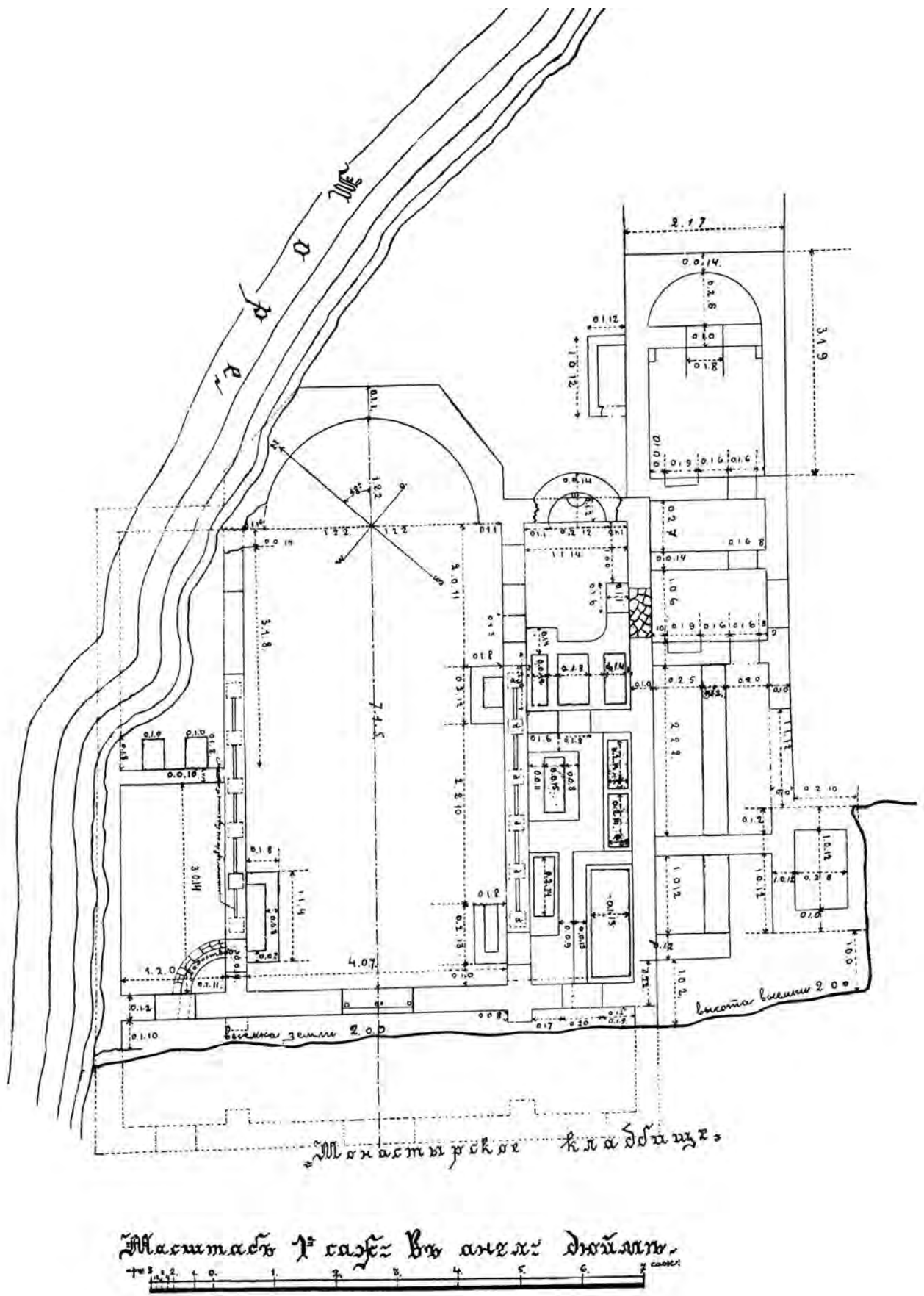

Рис. 21. План Северной базилики Херсонеса [Айналов, 1905. Рис. 22].

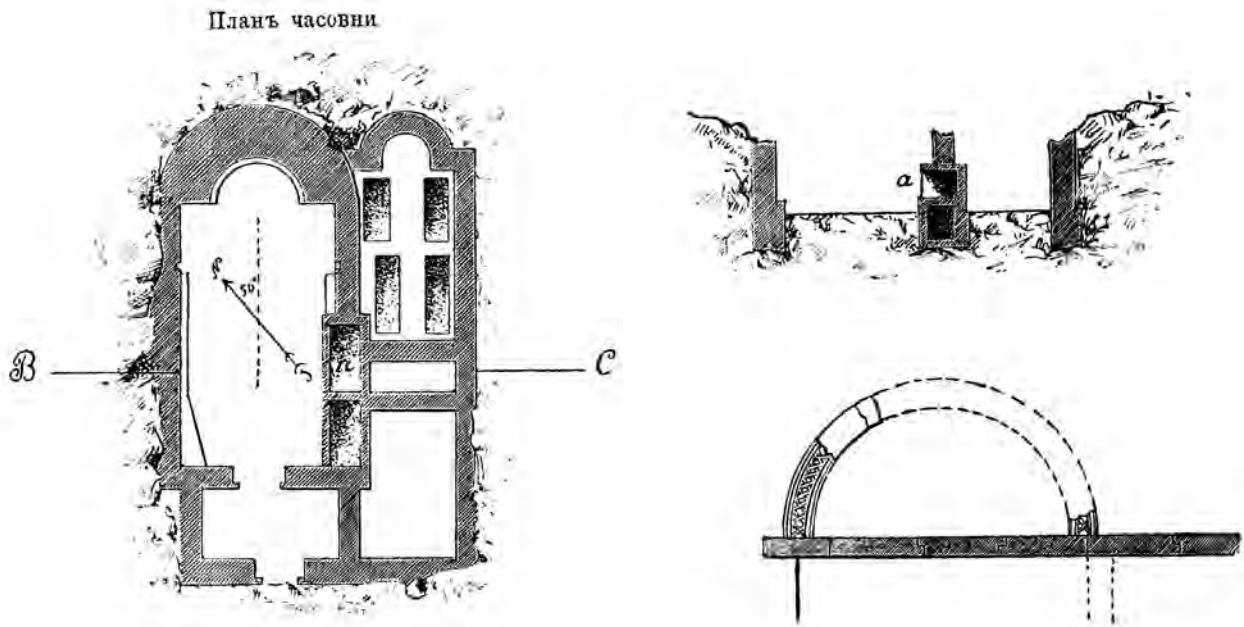

Рис. 22. План, поперечное сечение и вид аркасолия часовни № 16 в Херсонесе [Айналов, 1905. Рис. 70, 71].

прямоугольное в плане здание классического базиликального типа с укороченными пропорциями (рис. 21). Его размеры: общая длина – 22,0 м, ширина – 15,0 м, толщина стен – около 0,9 м. Магнитный азимут – 34°. Строение было трёхнефным, одноапсидным, с нартексом и, возможно, галереей. Западный вход, расположенный на центральной оси храма – главный. Снаружи имелись также другие дверные проемы – спереди, напротив южного пролёта, и рядом, сбоку, в торце притвора. Деление внутреннего пространства базилики на нефы выполнено двумя аркадами с шестью колоннами. Подобно наосу нартекс также состоит из трёх частей, каждая из которых имела самостоятельный вход в соответствующий пролёт основного объёма здания. Центральный неф с восточной стороны завершался большой полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой. Здание сложено из крупного штучного камня хорошей отёски с прослойками плинфы на прочном известковом растворе. В интерьере храма использовались архитектурно-декоративные детали из проконнесского мрамора.

Время возведения базилики исследователями отнесено к VI в., основные её перестройки датированы концом IX – X вв. В результате капитального ремонта северная колоннада была забрана сплошной стеной, а восточная половина южного нефа превратилась в обособленную часовню, будучи отделена от остальной части пролёта перегородкой. Вторая апсида базилики принадлежит данному приделу. Само по себе боковое алтарное полукольцо явно более позднего происхождения, хотя и сложено из блоков какого-то древнего сооружения [Якобсон, 1959, 168].

Возможно, именно эту постройку имел в виду О.И. Домбровский, считавший, что в Херсонесе к двухапсидным церквям можно причислить не менее трёх больших, не названных им конкретно, базилик [Дом-

бровский, б.д., 2]. В настоящий момент полная утрата восточной части северного нефа храма не позволяет судить о том, было ли там ещё одно, третье, алтарное полукольцо. Однако, замена северной колоннады наоса на сплошную стену и выделение в его южном пролёте обособленного помещения часовни, безусловно, могло превратить данную базилику в двухапсидную церковь.

Часовня № 16 в Херсонесе. Храм находится в квартале L, расположенном в юго-западной части городища. Строение выявлено и исследовано раскопками 1889 г. [Бертье-Делагард, 1893, 36-37. Табл. II. Рис. 3-5].

Часовня представляет собой прямоугольную в плане одноапсидную церковь с нартексом, к южной стороне которой пристроена такого же типа усыпальница (рис. 22). Характерными особенностями архитектуры основного объёма храма являются плавное сопряжение внешнего абриса апсиды и боковых фасадов, уменьшенная ширина притвора, наличие одноступенчатого синтрона и алтарной преграды, а также размещение в наосе каменных скамей у продольных стен и двух аркасолий. По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, конструкция данных гробниц предполагала их использование исключительно для хранения праха и костей умерших. Вход в церковь – один, расположен на продольной оси строения. Дверной проём нартекса по отношению к нему, как и северная стена самого притвора, немного смещён к югу. Пол каменный полигональной кладки, на одном из участков для мощения вторично использована мраморная база. Апсида была украшена фресковой росписью с изображением Богородицы, завершение аркасолий декорировано орнаментом в виде плетёнки между двумя кантами.

Боковая пристройка, превратившая церковь в двухапсидное сооружение, примыкает к южной стене храма без перевязки кладок. Усыпальница имела двухчастный

притвор, данных о проёмах в стенах нет. Её южная стена «выложена из бута в елку», что, по мнению Д.В. Айналова, указывает на обычное применение в подобных строениях свода. А.И. Романчук считает, что характер кладок – типичный для поздневизантийского времени. Внутри наоса выявлено четыре могилы [Бертье-Делагард, 1893, 36-37; Айналов, 1905, 97-98; Романчук, 2000, 223].

Размеры строения: по Д.В. Айналову – 44×19 футов, по А.И. Романчук – 13,4×5,8 м. Ширина притвора составляет, соответственно, 16 ½ футов и 5,0 м. Азимут – 50°.

Церковь св. Анастасии в Качи-Кальоне. Храм находится под Четвёртым, самым большим, гротом пещерного комплекса, на относительно пологой нижней части склона у подножия возвышенности. Хорошо сохранилась вырубленная в скале апсида церкви и частично – дополнявшая её с юга кладка второго алтарного по-

Рис. 23. Храм св. Анастасии в Качи-Кальоне. Общий вид с юго-запада. Фото автора. 2009 г.

Рис. 24. Храм св. Анастасии в Качи-Кальоне. Общий вид с запада. Фото автора. 2009 г.

лукружия (рис. 23-25)²³.

Храм св. Анастасии целенаправленно никем не изучался, сведения о нём фрагментарные. В специальном исследовании, посвящённом скальной архитектуре Тав-

²³ Сердечно благодарю А.В. Петрову, обратившую мое внимание на двухапсидность этого храма.

рики, он лишь упомянут и вместе с остальными культовыми сооружениями Качи-Кальона датирован временем не ранее XI-XIV вв. [Могаричев, 1997, 82]. Считается также, что скальная часть церкви «намного древнее пристроенных к ней современных, почти развалившихся стен», которые появились здесь в первой четверти

Рис. 25. Кладка конхи южной апсиды в храме св. Анастасии Качи-Кальона. Вид с юга. Фото автора. 2009 г.

XIX в., когда ту «пришлось почти полностью отстроить» [Хартахай, 1867, 113; Веймарн, Чореф, 1976, 59, 70]. О существовании храма в конце XVI в. свидетельствует получение им материальной помощи из Москвы, отмеченной в грамоте русского царя Бориса [Бертье-Делагард, 1910, 57-58; Веймарн, Чореф, 1976, 68].

Высокое качество кладки второй апсиды и хорошо продуманная конструкция её соединения с поверхностью скалы не исключают вероятности появления двухчастного алтаря до обновления церкви в XIX в.

Пещерная церковь Бахчисарая. Компактная группа искусственных пещер, часть которых Н.В. Днепровским интерпретирована как культовые сооружения, находится в основании скального массива, расположенного практически напротив Ханского дворца. По мнению исследователя, данный комплекс был армянским монастырем, основанным «задолго до переноса ханской столицы в долину реки Чурук-су (возможно, ещё в XII в. или ранее), но, во всяком случае, никак не позднее второй половины XV столетия». С переносом столицы же, он, «скорее всего, прекратил существование» [Днепровский, 2008а, 12-13].

Среди сооружений пещерного комплекса особо выделяется два соседних помещения (рис. 26): «Третье и четвертое помещения имеют полукруглые северные стены, причем в третьей пещере верхняя, сводчатая часть содержит пять небольших, сильно разрушенных ниш, похожих на остатки сталактитовой отделки, а в стене четвертого помещения имеется большая абсидоподобная ниша, что наводит на мысли о существовании здесь скальной церкви или часовни» [Днепровский, 2008а, 12].

Ориентация обеих частей сооружения – северная. Размеры помещений № 3 и № 4: ширина – соответственно, 1,5 и 3,5 м, сохранившаяся длина – 2,7 и 3,1 м, максимальная высота – 2 и 2,1 м. Конха имела радиус около 1,1 м и глубину 0,7 м. С восточной стороны сохранились остатки отдельных элементов интерьера, у северного края продольной стены – ниша, которая мог-

ла предназначаться под установку икон, и вертикальная подрубка, возможно, для крепления алтарной преграды, а на её южном конце – часть арочного проема, ведущего в соседнее помещение. Наряду с предполагаемой трактовкой данных компартиментов комплекса как двух отдельных часовен, исследователь допускает вероятность того, что больший из них мог быть пещерным храмом, а меньший – его приделом, из чего, в свою очередь, делает вывод о дате – «не ранее XIV века» [Днепровский, 2008б, 29-31. Рис. 2. Фото 11-13].

От остальных частей монастыря оба помещения, по сути, сливаясь между собой в одно, с внешних боков были отделены скальными перегородками, превратившими их в самостоятельное сооружение комплекса с двумя алтарными полукружиями. Учитывая характерные формы и обособленность объекта, данную церковь предположительно можно считать двухапсидной.

Основные выводы. В завершение обзора крымских двухапсидных храмов, предваряя выяснение их исторического и культурного контекста, необходимо отметить, что подобные строения одно из слабо изученных явлений средневековой церковной архитектуры, хотя и известны они на обширной территории, включающей в себя значительные регионы Причерноморья и Средиземноморья – от Кавказа и Малой Азии на юго-востоке до Корсики на западе. Наибольшая насыщенность памятниками приходится на островную Грецию, северное направление представлено отдельной зоной в пределах Московского княжества [Хрушкова, 2002, 93-95; Альтшуллер, 1977, 156-173].

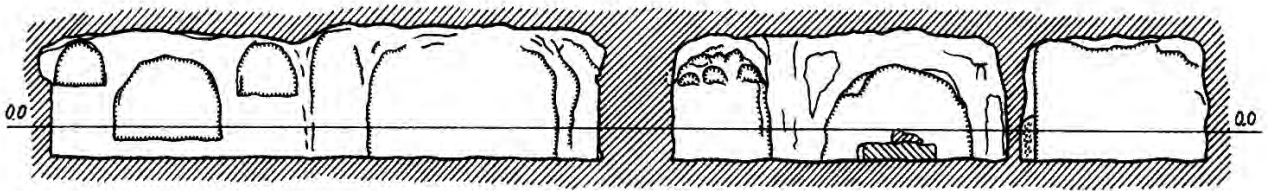
Попытки понять природу и причины появления двухапсидных церквей в культовом строительстве средневекового мира предпринимались многими исследователями. К настоящему времени обозначилось несколько научных позиций, формирование которых происходило, как правило, регионально – по мере выделения локальных групп сооружений данного типа на определённой территории.

Многочисленными памятниками двухапсидные церкви представлены в армянской архитектуре, в свою очередь, имевшей существенное влияние на развитие крымского зодчества. По мнению О.Х. Халпахчьяна, они являются эволюционным этапом, завершившим стадию развития обычного культового строения – совмещение в одном здании двух совершенно равнозначных храмов. Более того, исследователь выделяет их как самостоятельный оригинальный тип церквей-усыпальниц, получивших распространение в XII-XIV вв. Известны строения с одинаковой и разной (правая больше левой) величины апсидами [Халпахчьян, 1954; 1966, 260. Рис. 90].

В Грузии двухапсидные здания представлены несколькими яркими примерами – раннесредневековой (вероятно, второй половины VI в.) церковью № 5 Питиунта-Бичвинта [Хрушкова, 2002, 91-96]²⁴ и груп-

²⁴ Существует мнение, согласно которому данный храм представляет собой пример редкой, нетипичной как для Грузии,

РАЗРЕЗ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА ПО А - А

ПЛАН ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА ПО ОТМЕТКЕ 0.0 - 0.0

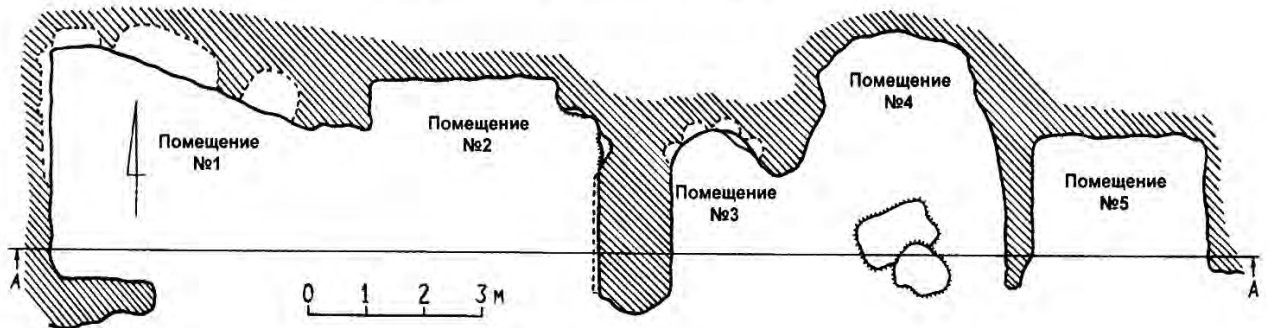

Рис. 26. План и разрез пещерного комплекса в г. Бахчисарай [Днепровский, 2008. Рис. 2].

пой строений XIII-XIV вв., среди которых особо выделяется храм в Мгвимеви, датированный 80-ми годами XIII в. [Гомелаури, 1982. Табл. 2].

Б.Л. Альтшуллер, рассматривая двухапсидные храмы Московского княжества, соотносит их необычную архитектуру с изменением литургических особенностей и выделяет два хронологических этапа. Пример Богоявленского собора XIV в. в Старо-Голутвином монастыре даёт ему основание для вывода о том, что малая северная апсида храма предназначалась исключительно для совершения проскомидии. Подобное дифференцирование алтарного пространства, вызвавшее увеличение только площади жертвенника, исследователь связывает с введением так называемого «иерусалимского устава», обрядная сторона которого предусматривала значительное усиление роли литургии. Причём, по его мнению, поскольку постепенное внедрение устава происходило в первую очередь через монастыри, появление двух апсид в данном соборе вполне естественно. Позднее, в подобных постройках конца XV-XVI вв., получивших более широкое распространение, вторая (меньшая) апсида всегда располагается к югу от основного алтаря, а её необходимость была обусловлена устройством дополнительного придельного престола, который по канонам православного богослужения не может занимать место жертвенника [Альтшуллер, 1977, 167-168].

Помимо упоминавшейся ранее версии В.М. Морд-

так и для Византии архитектурной композиции, причём, отмечается, что различные образцы таких построек разбросаны со значительными хронологическими разрывами по всему восточнохристианскому миру. [См., Рчеушвили, 1978, 22].

винцева и И.А. Кисиль, которые соотнесли возникновение данного типа построек с монофизитами [Мордвинцев, Кисиль, 2002, 188-189], в контексте изучения крымских памятников другими его исследователями также были сделаны некоторые обобщающие выводы.

Е.А. Айбабина отмечает, что появление двухнефных и двухапсидных храмов как определённого вида небольших построек характерно для удалённых от центра районов Византии [Айбабина, 1991, 199].

Е.А. Паршина, судя по Сотеровскому строению и примерам подобных сооружений Малой Азии (кон. VI в.), Грузии (втор. пол. VI в., X-XI вв., XII в., XIII-XIV вв.), Армении (XII-XIII вв.) и Московского княжества (XIV-XV вв.) считает, что двухапсидные храмы, хотя и в единичных случаях, бытуют длительное время и на достаточно широкой территории, а их возникновение в различных областях и в разное время, скорее всего, не имело единой генетической линии развития [Паршина, 2002, 129-130].

О.И. Домбровский предполагал, что это не отдельный тип сооружений, а частные случаи расширения одноапсидных часовен [Лосицкий, 2002, 134]. По его мнению, «строительство небогатых сельских церквей могло осуществляться не сразу в полном объеме, а поэтапно, по мере накопления средств», что, следовательно, и приводило к появлению подобных построек [Домбровский, б.д., 25].

Изучая морфологию двухапсидного храма, Ю.Г. Лосицкий пришел к выводу о том, что этот довольно редкий тип сооружений нельзя назвать вполне сформировавшимся с архитектурной точки зрения, чем, вероятно,

и объясняется его малое распространение, равно как, и отсутствие крупных построек. По его мнению, произошло механическое соединение двух объёмов однонефных часовен, которое вне зависимости от наличия разделяющих элементов не привело к образованию качественно нового типа сооружений, поскольку в нём не выделился общий для всего строения центр композиции и отсутствует чёткое соподчинение главных и второстепенных элементов [Лосицкий, 2002, 132-133]. Мнение любопытно, но верно лишь отчасти, поскольку отдельные постройки изначально были двухапсидными и отличаются редкой цельностью и гармоничностью, а их раритетность обуславливается исключительно относительно слабой изученностью средневековой архитектуры региона.

На данном этапе исследований весьма важным в информационном плане (главным образом, из-за ограниченного доступа к источникам и зарубежной литературе) является один из разделов монографии Л.Г. Хрушковой о раннехристианских памятниках Восточного Причерноморья, посвящённый изучению одного из самых известных (к тому же, иногда привлекаемого в качестве аналогии для крымских строений) двухапсидных храмов Грузии – пицундского, в котором дана относительно полная сводка основных публикаций по теме. И хотя памятники Таврики ею даже не упомянуты, как, впрочем, и остальные грузинские постройки этого типа, она довольно разносторонне представила два других региона средневекового мира – Причерноморье и Средиземноморье, где имеются подобные сооружения, а также мнения специалистов, их изучавших [Хрушкова, 2002, 91-96].

Бесспорным достоинством работы Л.Г. Хрушковой является презентация русскоязычному читателю капитального труда греческого ученого Г. Димитрокаллис. Исследовательница считает, что тот наиболее подробно рассмотрел типологию и функции двухапсидных (в публикации названных двухконховыми) храмов. Этим термином Г. Димитрокаллис обозначает сооружения, состоящие из двух равных или почти равных церквей, обеих с апсидами, также одинаковыми по размерам и форме. Те храмы, у которых имеется дополнительное помещение с апсидой, он называет псевдодвухапсидными. В Корпусе, включающем 115 памятников, исследователь объединяет сооружения различные по хронологии и архитектонике, в результате чего раннехристианские базилики соседствуют со средневековыми купольными церквями. Согласно наблюдениям Г. Димитрокаллис, ареал распространения двухапсидных храмов описывает дугу от Армении до Италии, наибольшее количество примеров известно в Армении, Малой Азии, в Греции и, в особенности, на островах, а также в Италии. Памятники Малой Азии относятся к числу самых древних, поэтому предполагается малоазийское происхождение этого типа. В большинстве своём двухапсидные церкви малы по размерам [Хрушкова, 2002, 94-95].

Судя по использованной литературе, Л.И. Хрушко-

вой, очевидно, осталась неизвестной достаточно информативная публикация Ф. Пергола, посвящённая одному сельскому корсиканскому святилищу – двухапсидному храму Санта Мариона в Тальчини (S. Mariona di Talcini), в контексте изучения которого им представлены другие подобные сооружения севера Италии и тиренского региона. Тем самым, исследователь в определённой мере смог заполнить лакуну в работе Г. Димитрокаллис, рассмотревшего западные памятники несколько поверхностно. Ф. Пергола считает, что культовые строения с парными апсидами или двумя нефами были достаточно распространены в христианском мире и известны от начала империи до конца средних веков. Однако, поскольку они в большинстве своём имеют небольшие размеры, простые формы без характерных декоративных элементов и небрежно выполнены, а материалы о них опубликованы в местных малодоступных изданиях, то естественно создается впечатление об их малочисленности [Pergola, 1979, 98-103].

Появившийся в 1979 г., исчерпывающий и хорошо обоснованный отзыв М.Р. Капрара на фундаментальный труд Г. Димитрокаллис, позволил, в частности, дополнить Корпус новой информацией о строениях юга Италии, а также оспорить разделение, которое тот делает между одно и двухнефными церквями с двумя расположенными рядом апсидами. В свою очередь, Ф. Пергола, поддержав мнение рецензента, на примере храма Санта Мариона и баптистерия острова Комачина (Comacina) доказывает, что применение единственного нефа в подобных строениях является по сути дела лишь следствием их ограниченных размеров [Pergola, 1979, 99].

Разнообразие плановых решений и отсутствие точных данных о назначении двухапсидных храмов, представленных многочисленными региональными вариантами, существенно затрудняет их обобщение, классификацию и терминологическое обозначение. В этом плане показателен пример того же пицундского храма. Его трактовка первым исследователем Т.М. Микеладзе как «двойного мартирия» вызвала вполне обоснованное возражение Л.Г. Хрушковой, которая считает, что самым приемлемым (нейтральным в литургическом и типологическом смысле) для данного здания является термин «двойная церковь» (Doppelkirche), используемый К. Вессель. Более того, по её мнению, эта постройка близка к храмам, получившим точное название «церкви-близнецы», у которых обе части симметричны относительно продольной оси и сообщаются между собой, образуя единое сооружение [Хрушкова, 2002, 93, 95].

Интерпретации иных известных объектов, принятые другими исследователями, также достаточно разнообразны. Ж.-М. Тьерри предлагает отличать двухапсидные (чаще всего, однонефные) церкви (les églises à double abside) от действительно двойных, т.е. состоящих из двух помещений, каждое из которых снабжено апсидой. Примерно так же (the bi-apsidal Churches, the binated Churches) подобные храмы трактует и Ш. Мар-

галит, отмечая случаи перестройки обычных церквей в двухапсидные. Некоторые специалисты предпочитают применять термин «двухнефная церковь». В частности, И. Элизбарашвили так называет грузинские храмы с дополнительным помещением, расположенным параллельно однопролетному наосу. О двухнефных пещерных сооружениях Каппадокии сообщают турецкие исследователи, И. Етюкен относит к отдельному типу (А) двухапсидные церкви VII-VIII вв., а Е. Акьюрек отмечает использование симметричных композиций с двумя апсидами, южная из которых могла служить баптистерием [Хрушкова, 2002, 93-94].

Среди памятников северо-западного региона Средиземноморья Ф. Пергола выделяет строения изначально двухапсидные, ставшие двухапсидными в результате ремонта и двухцерковные – в виде двух смежных сооружений с перегородкой, сообщающихся между собой собственно храма и баптистерия. Архитектоника алтарной части этих церквей им представлена тремя вариантами планового решения – “*deux absides jointes*”, “*deux absides jumelles*”, “*deux absides accolées*” [Pergola, 1979, 98-103].

Причины, обусловившие появление двухапсидных храмов, до сих пор окончательно не выяснены. Чаще всего высказывается мнение о том, что каждая часть церкви обладала особыми функциями, одна предназначалась для литургии евхаристии, другая – для крещального или мемориального культа. Последнее подтверждается тем, что подобные храмы нередко строились на кладбищах. Любопытное наблюдение сделано Г. Димитрокаллис, отметившим, что 86% от общего числа известных ему двойных церквей находится у воды, (на берегу моря, реки, озера или на острове), которая для жителей Средиземноморья всегда была связана с кругом заупокойных представлений. Согласно выводам Л.Г. Хрушковой, эти характерные черты имеет и пицундский храм – он возведен на кладбище и расположен близ моря, а его южная половина (по аналогии с церквями Манастир Алахан в Малой Азии и Жистомисличчи в Хорватии) могла служить баптистерием. Существует также предположение о том, что в двойных церквях одна часть была летней, а другая – зимней [Хрушкова, 2002, 95-96].

Принципиально важным представляется мнение Т. Мэтьюз, согласно которому появление многопрестольных храмов в восточнохристианской церкви объясняется процессом вытеснения из каждодневной (не воскресной и праздничной) богослужебной практики «общественной» литургии литургией «частной». По сути, превращение храма в своеобразный мавзолей, храм-усыпальницу, обуславливало необходимость постоянного проведения заупокойных служб, вероятно, не одной в день (не считая литургии), что также определяло сооружение придельных алтарей [Чукова, 2004, 62-63].

На пути систематизации данных о крымских двухапсидных храмах возникают, по сути, те же проблемы, что проявили себя и в других регионах средневекового

мира – разнообразие плановых решений, в большинстве своём относительно низкий уровень их исследований и отсутствие достоверных сведений о причинах возникновения этого типа зданий. К постройкам Таврики наиболее применима классификация, предложенная Ф. Пергола, использовавшего в качестве характерного дифференциального признака степень обособленности компартиментов. На территории полуострова представлены почти все основные, выделенные к настоящему времени, разновидности двухапсидных храмов. Исключением являются церкви-близнецы и двойные базилики, которые в Крыму пока не известны. Чётко прослеживаются две хронологические группы памятников, IX-X и XIV-XV вв.

Собственно, двухапсидные, в традиционном понимании типа – по сути, классического облика – с одной или двухпролётным наосом и двумя алтарными полукружиями, храмы в средневековой архитектуре Таврики единичны: церкви Судакской крепости, Сотеры и Фуны. С определёнными оговорками к их числу могут быть отнесены семидворский храм второго строительного периода, ставшим таковым вследствие ремонта, а также предварительно, поскольку нет достоверных данных, скальные сооружения Бахчисарая и Качи-Кальона. Сомнительно происхождение перчемского объекта. Остальные двухапсидные храмы Крыма представляют собой различные варианты двухцерковных построек. Отдельные из них подобную архитектуру получили изначально, при возведении – показательна церковь на территории цитадели Лусты. В большинстве же своём они перестроены из обычных одноапсидных храмов, которые были дополнены сбоку приделом в виде обособленного компартимента. Наиболее выразительными примерами являются часовня № 16 в Херсонесе и церковь Чембало. Подобным образом расширение литургического пространства происходило и в отдельных крестообразных строениях региона.

Характерной чертой основной части крымских двухапсидных храмов является их генетическая связь с базиликами, которые либо им предшествовали и затем были полностью видоизменены, либо приспособлены с частичной трансформацией внутреннего пространства. Своеобразие происхождения, в свою очередь, позволяет выяснить особенности их эволюции. Во время реконструкции базиликального типа строения, симметричность плана которого предполагает практически одинаковую значимость и конфигурацию боковых нефов, как правило, изменения затрагивают южный пролёт. Северный компартимент при этом либо полностью упраздняется (церковь на территории цитадели Лусты и предполагаемая базилика, предшествовавшая «Храму на консолях» в Судакской крепости), либо сохраняет свои функции (Большая базилика Мангупа), либо приобретает качества вспомогательного помещения (Северная базилика Херсонеса). В южном направлении обычно происходит также и расширение традиционных для региона малых церквей с прямоугольным планом,

ставших двухапсидными в результате ремонта (храм № 16 в Херсонесе, храм Спасителя в Сотере по версии О.И. Домбровского, храм крепости Чембало, храм Качи-Кальона).

В тех случаях, когда храм изначально возводится двухапсидным, меньшая апсида в большинстве своём располагается с южной стороны (церкви Судакской крепости и Лусты), но нередко и её северное местоположение (Фунская часовня, храм Спасителя в Сотере, скальная церковь Бахчисарая), что, вероятнее всего, в каждом из вариантов обуславливалось соответствующими функциональными требованиями и назначением.

Поминальный характер всего здания либо одного из его компартиментов отчетливо проявился или предполагается в большинстве известных примеров. Во всех церквях за исключением одной постройки (Семидворской) внутри наоса есть погребения. Под захоронения обычно отводится южный неф (особенно показателен храм Чембало), но в «Храме на консолях» (из-за крутого рельефа) и Сотерском (возможно, вследствие функциональных изменений, получивших свое отражение в реконструкции интерьера) – могилы находятся с северной стороны. Особо выделяется часовня фунского некрополя, и оба престола которой рассчитаны на проведения исключительно частной литургии поминального характера.

По меньшей мере, в трёх случаях (храмы Судакской крепости, Чембало и Фуны), судя по перекрытым стенами могилам, некрополь предшествовал появлению церкви. Кладбище Большой базилики Мангупа также сформировалось задолго до её реконструкции. Семид-

ворский храм краем главной апсиды частично заступает погребальное сооружение (кенотаф) эпохи бронзы, а, предположительно, синхронное ему захоронение находится рядом со зданием, с южной стороны. При этом он является единственным из всех двухапсидных строений региона, не имевшем внутри ни одной могилы.

Увеличение же алтарной части храма в северном направлении, надо полагать, обуславливалось исключительно необходимостью расширения литургического пространства. Использование второй апсиды в качестве жертвенника предполагало её расположение с левой стороны. Примеры – храмы Семидворья и Сотеры. Но даже в этом случае, судя по второму из них, впоследствии происходило превращение данной алтарной ниши в поминальный придел, хотя подобное теоретически не допускалось.

Так или иначе, почти все известные двухапсидные сооружения полуострова соотносятся с культурными и обрядовыми традициями народов Кавказа. Наиболее ярким из них является Семидворский храм, архитектура и внутреннее убранство которого тяготеет к грузинскому зодчеству. Плановая схема фунской часовни сопоставима с подобными строениями Армении, бахчисарайская скальная церковь идентифицирована как армянская. Остальные объекты также территориально связаны с местами, на которых различные источники отмечают обитание этнических групп алан, лазов и черкесов, что, в свою очередь, дает основание предполагать опосредованное, с малоазийскими корнями, именно северокавказское происхождение двухапсидных храмов Таврики.

Abstract

V.P. KIRILKO

TWO APSES TEMPLES OF TAURICA

On territory of peninsula the basic variants of this type of temples are presented: initially two apses, becoming two apses as a result of repair and two church. Two chronologic groups of monuments are expressly traced: IX-X and XIV-XV cc. The personal touch of basic part of the Crimean two apses

temples is their genetic connection with basilicas, which either preceded them and then were fully modified or adjusted with transformation of internal space. The results of researches ground to suppose mediated, with Asia Minor roots, North Caucasian origin of two apses temples of Taurica.